

18+

От автора

New York Times Bestseller

Орудия Смерти

Книга вторая

ХРОНИКИ АКАДЕМИИ
СУМЕРЕЧНЫХ
ОХОТНИКОВ
КАССАНДРА КЛЭР

**Морин Джонсон
Сара Риз Бреннан
Кассандра Клэр
Робин Вассерман**

**Хроники Академии
Сумеречных
охотников. Книга II**

Серия «Миры Кассандры Клэр»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18113262

Хроники Академии Сумеречных охотников. Книга II / К. Клэр:

Издательство АСТ; Москва; 2016

ISBN 978-5-17-096118-4

Аннотация

Продолжение историй о пугающих и захватывающих событиях в Академии Сумеречных охотников. В книгу вошли пять новелл об обитателях Нижнего мира и Дикой Охоте, о славных традициях и магических ритуалах, о друзьях и возлюбленных, о парабатах и подкидышах, о жизни, смерти и любви.

Содержание

Принцы и пажи[1]	5
Горечь на языке	78
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Кассандра Клэр

Хроники Академии

Сумеречных охотников

© 2015 by Cassandra Clare, LLC

© Н. Власенко, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Принцы и пажи¹

Как я провел летние каникулы

Сочинение Саймона Льюиса

Этим летом я жил в Бруклине. И каждое утро бежал по парку. А однажды увидел в собачьем пруду русалку. Она была...

Саймон Льюис отложил ручку и потянулся к англо-хтоническому словарю в поисках слова «блондинка». Но, надо полагать, создания из демонических измерений не придавали значения цвету волос: такого слова в словаре не было. Как не было и слов, относящихся к семье, дружбе и телеку.

Саймон погрыз ластик на конце карандаша, вздохнул и снова склонился над бумагой. К утру нужно было сдать преподавателю хтонического сочинение о том, как он провел лето. Пятьсот слов. Он уже час над ними бьется, а сделал... ну, примерно тридцать.

У нее были... волосы. И...

«...и огромные буфера...» – Сосед Саймона по комнате,

¹ В названии и в тексте новеллы использованы цитаты из стихотворения Дж. Китса «Прекрасная дама, не знающая милосердия» (здесь и ниже в пер. А. Щедрцова). – *Примеч. ред.*

Джордж Лавлейс, протянул руку у него из-за плеча и вывел на бумаге несколько слов. – Вот, решил тебе помочь, – ухмыльнулся он.

– И попал пальцем в небо, – Саймон не смог сдержать ответной улыбки.

Этим летом он скучал по Джорджу – сильнее, чем сам того ожидал. И сильнее, чем ожидал, скучал по всему остальному: не только по новым друзьям, но и по самой Академии Сумеречных охотников, по заранее известным и расписанным ритмам учебных дней – по всему, что раздражало его столько месяцев. По слизи и сырости, по утренним упражнениям, по шороху неизвестных существ за каменными стенами... ах да, чуть про суп не забыл. Первый свой год в Академии Саймон в основном посвятил размышлениям, не выкинут ли его отсюда: в любую минуту какие-нибудь важные Сумеречные охотники могли вдруг догадаться, что ему здесь не место.

Но все изменилось, когда он вернулся в Бруклин. Пытаясь заснуть под развешанными по стенам плакатами с Бэтменом и слушая долетавший из соседней комнаты материнский храп, Саймон понял, что родной дом перестал быть ему домом.

Домом для него отныне – неожиданно и необъяснимо – стала Академия Сумеречных охотников.

Парк-Слоуп оказался не таким, каким Саймон его помнил. Теперь в этом районе Бруклина щенки оборотней рез-

вились на дорожках Проспект-парка, словно на собачьей площадке; посреди Большой Армейской площади появился фермерский рынок, где чародеи торговали сырами ручной работы и приворотными зельями, а по берегам Говануса слонялись вампиры, пулявшие сигаретными окурками в прохожих хипстеров. Саймону то и дело приходилось напоминать себе, что и оборотни, и чародеи, и вампиры были здесь всегда. Изменился не Парк-Слоуп – изменился сам Саймон. У него теперь прорезалось Зрение – и Саймон с тревогой озирался по сторонам и вглядывался во всякую тень. Поэтому Эрик совершил большую ошибку, решив подкрасться к нему сзади: тело само припомнило нужный прием дзюдо, и парой непринужденных движений Саймон сбил старого друга с ног.

– Уф, – резко выдохнул Эрик, тараща на него глаза и не решаясь подняться с пожелтевшей августовской травы. – Полегче, солдат!

Эрик, конечно, думал, что его друг целый год провел в военной школе. Точно так же думали мама и сестра Саймона, да и все остальные. Ему приходилось лгать – лгать всем, кого он любит, – и этим теперешняя жизнь в Бруклине тоже отличалась от прежней. Возможно, именно поэтому он и стремился поскорее отсюда сбежать. Слишком уж тяжело ему было сочинять какие-то байки о полученных выговорах и об инструкторах по строевой подготовке, гонявших его до седьмого пота, – Саймон волей-неволей припомнил всю эту

чушь из дурацких фильмов восьмидесятых.

Но самое неприятное – нужно было лгать и о том, кто он такой. Лгать – и притворяться тем парнем, которого они помнили; тем Саймоном Льюисом, который видел демонов и магов только на страницах комиксов; тем, которому смерть грозила лишь однажды – когда он ел шоколадку и случайно поперхнулся миндальной присыпкой. Но он больше не был *тем* Саймоном; он даже близко не походил на того парня. Может, он пока еще и не Сумеречный охотник – но он давно уже не простец. Саймон устал притворяться.

Единственным человеком, с которым не приходилось притворяться, была Клэри. Неделя за неделей он проводил с ней все больше и больше времени, гуляя по городу и слушая истории о том, каким он, Саймон, был, пока заклятие не отняло у него память. Он по-прежнему не помнил толком, какие отношения связывали их с Клэри в той, прошлой жизни, – но с каждым днем это казалось все менее важным.

– Знаешь, а я ведь тоже не та, кем была раньше, – однажды заявила Клэри.

Они сидели в «Джава Джонсе» и лениво тянули уже по четвертой чашке кофе. Саймон делал все возможное, чтобы к сентябрю в его жилах тек чистый кофеин вместо крови – ведь в Академии не найти ничего, хоть отдаленного похожего на кофе.

– Иногда я чувствую, что та, прежняя Клэри так же далеко от меня, как прежний Саймон – от тебя.

– Ты скучаешь по ней?

На самом деле он, конечно, хотел спросить, скучает ли Клэри по нему – по тому, прежнему Саймону. По другому Саймону. По Саймону, который лучше, храбрее теперешнего. По тому Саймону, которым, как он боялся, ему никогда уже не стать.

Клэри мотнула головой. Огненно-рыжие локоны качнулись над плечами, зеленые глаза зажглись уверенностью.

– Я даже по тебе больше не скучаю, – снова дал о себе знать ее непостижимый талант угадывать, что творится у него в голове. – Ведь ты вернулся. Во всяком случае, я на это надеюсь...

Саймон пожал руку девушки. Другого ответа им обоим и не требовалось.

– Кстати, насчет твоих летних каникул, – Джордж шлепнулся на продавленный матрас, выдернув Саймона из воспоминаний. – Ты вообще собираешься мне рассказать?

– О чем? – Саймон откинулся на спинку стула, но, услышав зловещий треск ломающегося дерева, тут же снова склонился к столу. Как второкурсники они имели право перебраться в комнату наверху, но решили остаться в подвале. Саймон уже практически сроднился с местной мрачной сыростью, да и в том, чтобы обитать подальше от любопытных преподавательских глаз, были определенные плюсы. Не говоря уже о презрительных взглядах студентов из элиты. До сих пор многие дети Сумеречных охотников допускали

мысль, что их ровесники-простецы все же на что-то способны, но теперь у них будет совершенно новый класс, и Саймону совсем не улыбалось вновь и вновь преподавать маленьким зазнайкам уроки вежливости. Однако сейчас, когда его стул решал, развалиться прямо под ним или все-таки подождать, а по ногам пробежало что-то серое и пушистое, Саймон задумался, не поздно ли еще попроситься наверх.

– Саймон, дружище. Ну хоть косточку мне кинь. Знаешь, как я провел летние каникулы?

– Стриг овец?

За последние два месяца Джордж прислал ему несколько открыток. Спереди на каждой из них красовался какой-нибудь идиллический шотландский пейзаж. А на обороте – сообщения, неизменно вертевшиеся вокруг одной-единственной темы:

Скучно.

Как же скучно.

Убей меня прямо сейчас.

Поздно. Я уже умер.

– Стриг овец, – уныло подтвердил Джордж. – Кормил овец. Пас овец. Возился с возами овечьего навоза. Пока ты... сам знаешь чем занимался с некой черноволосой воительницей. Или ты хочешь, чтобы я умер от любопытства?

Саймон вздохнул. Джордж сдерживался целых четыре с

половиной дня. На большее, как подозревал Саймон, невозможно было и надеяться.

– С чего ты решил, что я чем-то занимался с Изабель Лайтвуд?

– Ну, я даже не знаю. Может, с того, что в последний раз, когда мы виделись, ты не затыкаясь о ней трещал? – И он продолжил с плохим американским акцентом: – Что мне делать на свидании с Изабель? Что мне говорить на свидании с Изабель? Что мне надеть на свидание с Изабель? О, Джордж, ты, загорелый шотландский мачо, скажи мне, что мне делать с Изабель!

– Что-то не припомню, чтобы я произносил такие слова.

– Ты выражал их всем своим видом, – пояснил Джордж. – Давай колись.

Саймон пожал плечами:

– Не получилось.

– Не получилось?! – Брови Джорджа взлетели чуть ли не к самым волосам. – *Не получилось?!*

– Не получилось, – подтвердил Саймон.

– Ты хочешь сказать, что это конец? Конец твоей невероятной истории любви с самой горячей Сумеречной охотницей наших дней, которая прошла по множеству измерений и выстояла в куче сражений во имя спасения мира? Вот так вот просто – пожать плечами и сказать... – И снова этот американский акцент: – «*Не получилось*»? И это всё?

– Да. Именно это я и хочу сказать.

Саймон пытался, чтобы голос прозвучал как обычно, но, видимо, ему это не удалось. Джордж поднялся и положил руку на плечо приятеля.

– Прости, дружище, – тихо произнес он.

Саймон снова вздохнул.

– Ничего.

Как я провел летние каникулы

Сочинение Саймона Льюиса

Я упустил все свои шансы в отношениях с самой потрясающей девушкой на свете.

Не раз. Не два. Три раза.

Она пригласила меня на свидание в свой любимый ночной клуб, где я запутался в собственным ногах и всю ночь, как слабоумный придурок, проторчал на одном месте. Потом я подвез ее в Институт, пожелал спокойной ночи и пожал ей руку.

Да-да, вы все прочли верно. Я. Пожал. Ей. Руку.

Потом я пригласил ее на свидание номер два – в мой любимый кинотеатр, где заставил ее не отрываясь высидеть все «Звездные войны: Войны клонов» и даже не заметил, что она уснула. Потом я случайно обидел ее – откуда я вообще взял, что она когда-то встречалась с каким-то хвостатым магом? Да еще и настаивал, что обязательно хочу об этом узнать.

Плюсуйте еще одно рукопожатие на прощание.

Свидание номер три. Еще одна бредовая моя идея: двойное свидание с Клэри и Джейсом. И все бы хорошо, да вот только Клэри с Джейсом влюблены друг в друга так, как еще не бывало за всю историю человечества. И я почти уверен: они трогали друг друга ногами под столом. Потому что в конце концов Джейс стал поглаживать своей ногой мою – случайно, конечно. (Надеюсь, что случайно.) (Лучше бы это было случайно.) А потом на нас напали демоны, потому что Клэри с Джейсом – просто ходячие магниты для всякой нежити. Через тридцать секунд я уже был выведен из строя и валялся мешком в углу, пока остальные спасали положение. И Изабель держалась как потрясающая богиня-воительница. Потому что она и есть потрясающая богиня-воительница. А я – жалкий слабак.

А потом все отправились в погоню за демонами, которые послали за нами других демонов; но меня с собой не взяли. (Смотри выше. Повторяю: я жалкий слабак.) Когда они вернулись, Изабель даже не позвонила мне – какая же богиня-воительница захочет встречаться со слабыком, прячущимся в углу? Я тоже не стал ей звонить – по той же причине... а еще потому, что я надеялся, что она сама мне позвонит.

Чего она так и не сделала.

Конец.

На этом Саймон решил, что попросит преподавателя хто-

нического дать ему на сочинение еще неделю.

Учебный план второго курса, как оказалось, почти ничем не отличался от первого – за одним исключением. В этом году, пока ученики месяц за месяцем будут отсчитывать время до дня Восхождения, им предстояло изучать «Современную политическую обстановку». Впрочем, на основании того, что они уже изучили, этот предмет спокойно можно было бы назвать иначе: «Почему фейри – отстой».

Каждый день второкурсники – и Сумеречные охотники, и простецы – собирались в одной из тех аудиторий, которые в прошлом году стояли запертыми. (Объясняли это каким-то заражением демоническими жуками.) Втискивались за ржавые парты, словно бы созданные для студентов-лилипотов, и слушали, как профессор Фриман Мэйхью толкует о заключении Холодного Мира.

Фриман Мэйхью был худым лысым мужчиной с седеющими усами-щеточкой, как у Гитлера. И хотя он каждое свое предложение начинал со слов: «В те времена, когда я боролся с демонами...» – трудно было представить его борющимся с чем-то страшнее простуды. Мэйхью полагал своей задачей убедить студентов, что фейри – хитрые, не заслуживающие ни малейшего доверия, бессердечные и достойные только полного изничтожения (чего, разумеется, никогда не признают «эти слабонервные политики», управляющие Конклавом).

Студенты быстро усвоили, что любое возражение и даже попытка просто задать вопрос, вызывают у Мэйхью чуть ли не сердечный приступ. На его лысом черепе расцветало красное пятно, и преподаватель свирепо выплевывал:

– Вы там были? *Не думаю!*

Этим утром Мэйхью появился в классе не один – с ним пришла девушка лишь на несколько лет старше Саймона. Светлые до белизны волосы ее спадали локонами на плечи, синие-зеленые глаза ярко сверкали, а рот кривился в мрачной улыбке, без слов говорившей о том, что находиться здесь девушка совсем не рада. Мэйхью стоял рядом со своей спутницей, но Саймон заметил, что профессор старается держать дистанцию и ни в коем случае не поворачиваться к девушке спиной. Мэйхью ее боялся.

– Давай, – грубо скомандовал он. – Скажи им, как тебя зовут.

Девушка, уставившись в пол, пробормотала что-то неразборчивое.

– Громче, – выплюнул Мэйхью.

На этот раз гостя подняла голову, обвела взглядом забытый до отказа класс и, наконец, заговорила. Голос ее звучал громко и ясно:

– Хелен Блэкторн. Дочь Эндрю и Элеанор Блэкторнов.

Саймон присмотрелся к девушке повнимательней. Хелен Блэкторн – имя это он хорошо знал из тех историй, что Клэри рассказывала ему о Смертельной войне. В тех сражениях

Блэкторны погибли почти все, но он думал, что Хелен и ее брат Марк погибли одними из первых.

– Лжешь! – рявкнул Мэйхью. – Попробуй еще раз.

– Если мне удастся лгать, это уже само по себе о чем-то говорит, разве нет? – парировала девушка, но всем было ясно, что она уже знает ответ.

– Условия, на которых ты здесь находишься, тебе известны, – отрезал профессор. – Говори правду или отправляйся домой.

– Это не мой дом, – тихо, но твердо отозвалась Хелен.

Саймон знал, что после Смертельной войны ее сослали (хотя официально этот термин и не использовался) в Арктику, в ледяную пустыню, на остров Врангеля. До войны, как слышал Саймон, там находился центральный узел чар, защищавших этот мир. *Официально* Хелен с подругой, Алиной Пенхоллоу, изучали эти чары, которые нужно было восстановить после войны. Неофициально же Хелен несла наказание – по существу, за сам факт своего появления на свет. Конклав решил, что, несмотря на ее отвагу в сражениях Смертельной войны, несмотря на ее безупречную биографию и на то, что ее младшие братья и сестры стали сиротами и о них некому было позаботиться, кроме дяди, которого они едва знали, – что, несмотря на все это, доверять ей все-таки нельзя. И даже несмотря на то, что кожа ее не отторгала ангельские руны, Конклав не признал Хелен Блэкторн настоящим Сумеречным охотником.

Саймон не мог отделаться от мысли, что в Конклаве заседают одни тупицы.

Неважно, что сейчас у девушки не было при себе никакого оружия, что она одета в простую бледно-желтую рубашку и джинсы, а на коже ее не видно рун. Одно то, как она держала себя в руках, переплавляя гнев в гордость, лучше всяких слов говорило о том, что Хелен Блэкторн – Сумеречный охотник. Эта девушка – настоящий воин.

– Последняя попытка, – проворчал Мэйхью.

– Хелен Блэкторн, – повторила она и отвела волосы назад, обнажая изящные бледные уши, по-эльфийски заостренные на концах. – Дочь Эндрю Блэкторна, Сумеречного охотника, и леди Нериссы. Дамы Летнего двора.

На этих словах Жюли Боваль поднялась и молча вышла из класса.

Саймон понимал, что она чувствует сейчас, – или, по крайней мере, догадывался. В последние часы Смертельной войны прямо на глазах у Жюли один из фейри убил ее сестру. Но ведь Хелен в этом не виновата! Светловолосая гостья – лишь наполовину фейри, и эта половина в ней не главная.

Но Конклав, похоже, считал иначе – как и весь класс. Студенты зашептались, и в голосах их явно слышалась враждебность. Хелен стояла перед классом, спрятав руки за спиной; лицо ее было нечеловечески спокойно.

– Всем молчать! – громко скомандовал Мэйхью. Саймон в очередной раз удивился, как получилось, что этот человек

вообще стал преподавателем: ведь, кажется, сильнее, чем саму молодежь, он терпеть не может только учить эту молодежь. — Я и не рассчитывал, что хотя бы кто-нибудь из вас отнесется с уважением к этой... *особе*. Но она здесь, чтобы рассказать вам одну поучительную историю. Послушайте ее.

Хелен откашлялась.

— Мой отец и его брат когда-то тоже здесь учились, точно как вы сейчас.

Она говорила мягко, почти бесстрастно, будто рассказывала о незнакомых людях.

— Возможно, так же как и вы, они не понимали, какую угрозу таит в себе Дивный народ. И от этого они чуть не погибли.

Мой отец, Эндрю, уже перешел на второй курс Академии, — продолжала Хелен, — а для Артура это был первый год. Вообще-то на задания в царство фейри отправляют только второкурсников, но все знали, что Артур с Эндрю лучше всего сражаются бок о бок.

Само собой, фейри присоединились к Договору задолго до Холодного Мира, но это не мешало им то и дело нарушать правила, когда они полагали, что сумеют избежать неприятностей. Поэтому они осмелились похитить девочку, ребенка Сумеречных охотников. И десятирех студентов Академии под руководством одного из преподавателей послали ее выручать.

Они успешно выполнили задание – но вернулись домой не все. Фейри заманили моего отца в терновник. Он укололся и, недолго думая, слизнул кровь с ранки – а с ней и капельку тернового сока.

Коль скоро Эндрю что-то выпил в стране фей, он оказался во власти Королевы, и она назвала свою цену. Юноша должен был остаться при Летнем дворе. Артур заявил, что останется вместе с ним – не мог же он бросить родного брата!

Преподаватель Академии быстро сумел договориться с Королевой: заключение братьев должно было продлиться всего один день.

Здесь учителя, конечно, всегда были умны. Вот только фейри умнее. То, что в нашем мире длится один день, в мире фейри тянется намного дольше.

Многие годы.

Мой отец и его брат всегда были тихими книжными мальчиками. Они храбро сражались на поле боя, но горячке битвы предпочитали все-таки тишину библиотеки. И оба оказались не готовы к тому, что с ними потом произошло.

А произошло с ними то, что они встретились с леди Нериссой, дамой Летнего двора. Феей, которой суждено было стать моей матерью; феей, чья красота уступала только ее жестокости.

Отец никогда не разговаривал со мной о том, что случилось, когда он попал в руки Нериссы. Не рассказывал об этом и мой дядя. Но по возвращении из страны фейри оба напи-

сали подробные отчеты Инквизитору. Мне... меня *пригласили* прочесть эти отчеты от начала до конца и пересказать их вам во всех подробностях.

А подробности таковы: на семь долгих лет мой отец стал для Нериссы игрушкой. Она связала его с собой, но не какой-нибудь цепью или веревкой, а темной магией фейри. Ее слуги схватили Эндрю, и Нерисса надела на него серебряный ошейник. И отец стал видеть леди Нериссу совсем не такой, какой она была на самом деле: не чудовищем, а чудом. Ошейник обманывал его глаза и сердце и превращал ненависть к похитительнице в любовь. Или, вернее, в то отвратительное чувство, которым фейри подменяют настоящую любовь: безоговорочное преклонение. Отец сделал бы для леди Нериссы все, что угодно. Да он и делал для нее все что угодно все эти семь лет.

А ведь был еще и Артур, младший брат Эндрю, слишком юный для своих лет. Добрый, как говорили. Мягкий.

И леди Нерисса тоже сделала из него игрушку. Инструмент, с помощью которого можно было мучить моего отца и добиваться от него полной покорности.

Отец все эти годы прожил в любви, навязанной ему против воли. Артур же прожил все эти годы в ужасных муках.

Артур заживо сгорал, много раз, снова и снова; огонь фейри пожирал его плоть и кости, но не убивал до конца. Артура пороли, и плеть с шипами оставляла незаживающие раны на его спине. Его приковывали к земле, связывая по рукам и

ногам, словно дикого зверя, и заставляли смотреть, как худшие его кошмары проходят у него перед глазами: своими чарами фейри показывали Артуру, как его родные и близкие умирают в муках, снова и снова.

Артура убедили, что Эндрю отказался от него – предпочел любовь фейри узам плоти и крови, связывавшим его с братом. И хуже этой пытки ничего нельзя было выдумать.

Он сломался. Всего за год. Остальные шесть лет фейри лишь плясали и хихикали на руинах, в которые превратилась его душа.

Но они рано радовались.

Артур был Сумеречным охотником, а это кое-что да значит. Однажды ему, уже полубезумному от боли и страданий, пришло видение – видение его будущего: тысячи лет мучений; десятилетия, века, проведенные в царстве фейри, где он превратится в сломленное, дряхлое, уродливое существо – и таким вернется в мир, где минул всего один день. В мир, где все, кого он знал, еще молоды и здоровы. В мир, где останется только молить о смерти, ибо его родные и близкие не должны жить рядом с тем, в кого он превратится. В мире фейри нет времени; его мучители могли бы похитить всю его жизнь. Да что там! Он мог бы провести здесь хоть десять жизней – а Дивный народ все равно не нарушил бы данного слова.

Ужас судьбы, грозившей Артуру, оказался сильнее боли и дал ему силы вырваться на свободу. Ему пришлось пойти

против собственного брата, очарованного леди Нериссой и убежденного, что должен защищать ее любой ценой. Артур сбил его с ног и собственным кинжалом леди Нериссы вспорол ее от шеи до живота. Тем же кинжалом он разрезал колдовской ошейник и освободил от него отца. И братья вместе бежали из страны фейри и вернулись в обычный мир. Оба были покрыты шрамами – зримыми и незримыми.

Написав отчеты Инквизитору, братья покинули Идрис и расстались друг с другом. Когда-то они были близки, как парабатаи, но теперь не могли даже видеть друг друга. Оба стали друг для друга живыми напоминаниями о том, что каждый перенес и потерял. Они не могли простить друг другу ни своих ошибок, ни своих успехов.

Может быть, в конце концов они бы смогли помириться. Но Артур уехал в Лондон, а отец вернулся домой, в Лос-Анджелес, где быстро влюбился в одну из Сумеречных охотниц, проходившую обучение в тамошнем Институте. Она его тоже полюбила и помогла забыть годы, проведенные в стране фейри, – годы, полные кошмаров. Они поженились. У них родился сын. Оба были счастливы – пока однажды кто-то не позвонил в дверь. Мама наверняка кормила маленького Джулиана или укладывала его спать. Отец закопался в своих книгах. Кто-то из них пошел открывать и увидел на пороге две корзины, а в каждой – спящий младенец. Это были мой брат Марк и я. Только теперь отец понял, что за те семь лет леди Нерисса родила двоих малышей, – а он, очарованный

волшебством фейри, ничего не замечал.

Отец и его жена, Элеанор, вырастили нас как настоящих Сумеречных охотников, нефилимов по крови. Как своих собственных детей. Будто бы мы не были чудовищами-полукровками, которых враги подкинули им обманом. Будто мы – не вечные напоминания об унижениях и пытках, о бесконечно долгом кошмаре, который отец с таким трудом старался забыть. Они сделали все, чтобы полюбить нас. Возможно, они на самом деле нас любили – так сильно, как не смог бы любить никто. Но, как бы то ни было, в одном я уверена абсолютно: Эндрю и Элеанор Блэкторны были отличными Сумеречными охотниками, лучшими из лучших. А значит, и достаточно умными, чтобы знать, пусть даже где-то глубоко внутри, что на самом деле нам нельзя доверять.

Если вы верите фейри, вы делаете это на свой страх и риск. Ибо их в этом мире не волнует ничто, кроме них самих. Они ничего не создают: их удел – разрушение всего и вся. А излюбленное их оружие – человеческая любовь.

Вот какой урок меня попросили вам преподать.

И я это сделала.

– Что, черт возьми, это было? – взорвался Саймон, едва все ученики вышли из класса.

– А я знаю? – Джордж хотел было прислониться к стене коридора – и тут же передумал, заметив что-то зеленое, вяло извивающееся за плечом. – Ну, то есть я знаю, что фейри –

те еще поганцы, но кто же знал, что они настолько злые?

– Я, – отозвалась Жюли.

Лицо девушки было бледнее обычного. Она ждала их у дверей – то есть, вернее, не их, а Джона Картрайта, с которым они теперь, похоже, стали парой. Жюли почти так же высокомерна, как и Джон, но до сих пор Саймон полагал, что вкус у нее должен все-таки быть малость получше.

Джон взял девушку под руку, а она изогнулась, прижимаясь к его мощному торсу.

«Как это у них так легко получается?» – с удивлением подумал Саймон. Но Сумеречные охотники – они такие, у них все получается легко.

И это его напрягало.

Джордж вклинился в его мысли:

– Не могу поверить, что они *семь лет* издевались над бедным парнем!

– А над его братом? – воскликнула Беатрис Мендоса. – Ему пришлось даже хуже.

Джордж скептически взглянул на нее.

– То есть ты думаешь, что вынужденно влюбиться в страстную принцессу фей – хуже, чем пару сотен раз сгореть заживо?

– Я думаю...

Саймон кашлянул.

– Э-э... Я вообще-то имел в виду, какого черта они притащили сюда Хелен Блэкторн, словно какого-то циркового

уродца, и заставили ее рассказывать нам эту сногшибательную историю о собственной матери?

Едва только Хелен договорила, профессор Мэйхью практически выгнал ее из класса. Выражение, с которым девушка на него смотрела, ясно свидетельствовало: будь ее воля, она бы тут же оторвала ему голову, – но вместо этого Хелен послушно опустила голову и подчинилась приказу. Саймон никогда не видел, чтобы Сумеречный охотник вел себя вот так – словно прирученный зверек. Это было до тошноты неправильно.

– Строго говоря, «мать» в данном случае – скорее формальный термин, тебе не кажется? – поинтересовался Джордж.

– Думаешь, ей от этого было легче? – недоверчиво отозвался Саймон.

– Думаю, в данном случае нелегко многим, – холодно заметила Жюли. – Видеть, как твою сестру разрезают напополам – тоже не так уж легко. Так что извините, конечно, но меня не особо волнует эта недофея или ее так называемые чувства.

На последнем слове ее голос дрогнул. Девушка резким движением высвободилась из объятий Джона и бросилась прочь по коридору.

Картрайт глянул на Саймона.

– Молодец, Льюис. Просто супер.

И умчался следом за Жюли, оставив Саймона, Беатрис

и Джорджа стоять кружком в коридоре, словно над гробом усопшего.

Повисла напряженная тишина. Джордж потер небритый подбородок.

– Мэйхью и правда вел себя с ней довольно резко. Словно она преступница. Хотя, может, он просто боялся, что она сейчас проткнет его куском мела или еще чем.

– Она – фейри, – напомнила Беатрис. – А с ними надо всегда держать ухо востро.

– Полуфейри, – поправил Саймон.

– Но этого «полу-» недостаточно для того, чтобы ей доверять! И Конклав наверняка считает так же. С чего бы иначе ее отправили в ссылку?

Саймон фыркнул.

– О да. Наш Конклав всегда прав.

– Ее брат ездит с Дикими Охотниками, – припечатала Беатрис. – Или тебе и этого мало?

Саймон запротестовал:

– Это же не его вина!

Клэри рассказывала ему историю похищения Марка Блэкторна: фейри захватили его во время резни в Лос-анджелесском институте, а Конклав отказался даже пробовать вернуть Марка домой.

– Он там не по своей воле.

– Ты этого не знаешь! – сердито возразила Беатрис. – Никто не может этого знать.

– С чего вдруг ты вообще об этом заговорила? – спросил Саймон. – Ты же вроде никогда не велась на всю эту чушь, которую порют противники нежити.

Может, он и не помнил толком те дни, когда был вампиром, но от того лишь еще больше не доверял тем, кто слишком скор на расправу.

– Я не противник нежити! – возмутилась девушка. – У меня нет проблем ни с оборотнями, ни с вампирами. И с чародеями, как видите, тоже. Но феэри – они другие. Как бы Конклав с ними ни поступал, это для нашей же пользы. Чтобы защитить нас. Ты не задумывался, что Конклаву наверняка известно об этом больше, чем тебе, а?

Саймон закатил глаза.

– Слышу речи истинного Сумеречного охотника.

Беатрис посмотрела на него как-то странно.

– Саймон, ты... ты понимаешь, что почти всегда произносишь слова «Сумеречный охотник» так, словно это оскорбление?

Саймон замер с полуоткрытым ртом. Беатрис очень редко разговаривала с кем-либо так резко. И уж тем более с ним.

– Я...

– Если ты считаешь, что быть Сумеречным охотником так ужасно, то я не понимаю, что ты здесь делаешь.

Девушка повернулась и пошла по коридору к своей комнате – как и у остальных второкурсников элитного потока, ее спальня располагалась в одной из башенок Академии, с

окнами на юг и отличным видом на лужайку внизу.

Джордж с Саймоном повернули в другую сторону – к подземельям Академии.

– М-да, сегодня ты не особо-то много друзей заимел, – весело заметил Джордж, мягко ткнув приятеля в бок. Так он говорил: «Да не парься, все утрясется».

Бок о бок они топали по коридору. Летняя уборка Академии, видимо, просто не успела добраться до капающих потолков и луж подозрительно пахнувшей слизи по дороге к подземелью. А может, услуги местных уборщиц просто не распространялись на комнаты отстоя. Как бы то ни было, путь к своей комнате Саймон с Джорджем выучили уже наизусть и могли бы пройти его с закрытыми глазами. Они привычно обходили лужи и уворачивались от фонтанчиков, бьющих из труб.

– Я не хотел никого расстраивать, – наконец сказал Саймон. – Просто не думаю, что все это правильно.

– Поверь, приятель, ты вполне ясно дал это понять. И совершенно ясно, что я с тобой согласен.

– Правда? – Саймону резко полегчало.

– Конечно правда. Не станешь же огораживать целое стадо просто потому, что одна овца щиплет не ту траву, верно?

– Ну... да.

– Я только не понимаю, чего ты так из-за этого дергаешься. – Джордж был не из тех, кто вообще станет дергаться из-за чего бы то ни было; или, по крайней мере, не из тех, кто

в этом признается. Если ему верить, так апатия – это их семейное кредо. – Все из-за того, что ты был вампиром? Но ты же знаешь, что никто о тебе ничего такого не думает.

– Нет, не в этом дело.

Сейчас друзья вряд ли стали бы думать о его вампирском прошлом – для них оно больше ничего не значило. Иногда, впрочем, Саймон в этом сильно сомневался. Он побывал *мертвым*... как же это может ничего не значить?

Но это не имело ни малейшего отношения к тому, что произошло сегодня.

Просто неправильно, что профессор Мэйхью вышвырнул Хелен из класса, как дрессированную собачку. Неправильно и то, как остальные говорили о Дивном народе – словно *все* фейри на веки веков виноваты, что *некоторые* из них предавали Сумеречных охотников.

Может, все дело было в том, что вина переходила из рода в род, из поколения в поколение. Грехи отцов падали не только детей, но и на друзей, соседей и случайных знакомых, которым не повезло уродиться с такой же формой ушей. Но ведь нельзя же возлагать вину на целый народ только потому, что вам не нравится, как ведут себя отдельные его представители! Саймон достаточно долго проучился в еврейской школе, чтобы знать, чем такое обычно заканчивается. Он уже начал мысленно формулировать для Джорджа такое объяснение, чтобы в нем не пришлось упоминать Гитлера, но тут прямо перед ним материализовалась профессор Катарина Лосс.

Да-да, именно материализовалась – с театральным хлопком и в облаке дыма. «Маги, что с них возьмешь», – подумал Саймон, хотя Катарина вообще-то не любила показухи. Обычно она старалась не выделяться, чтобы остальным преподавателям легче было забыть о том, что она маг (по крайней мере, если не обращать внимания на синюю кожу). Но Саймон заметил, что каждый раз, когда Академию посещает кто-нибудь из Нижнего мира, Катарина меняет тактику и, наоборот, из всех сил пытается показать, что она из магов.

Но Хелен – не совсем нежить, напомнил себе Саймон.

С другой стороны, он сам тоже уже не нежить – по крайней мере, он уже больше года не принадлежит Нижнему миру. И все равно Катарина с поразительным упрямством продолжала называть его светолубом. По ее словам, с тех пор, как он побывал нежитью, в нем осталась крошечная, незаметная, застрявшая где-то в подсознании частичка жителя Нижнего мира. Катарина всегда заявляла об этом так уверенно, словно знала что-то, о чем он сам не догадывается. После разговоров с чародейкой Саймон часто ловил себя на том, что трогает языком зубы – просто чтобы убедиться, что у него не выросли вампирские клыки.

– Можно с тобой поговорить, светолуб? – спросила она. – На минутку. С глазу на глаз.

Джордж только и ждал возможности, чтобы смыться: с тех самых пор, как Катарина превратила его, пусть и ненадолго, в овцу, он всегда немного нервничал в ее присутствии. Так

что шотландец немедленно исчез, а Саймон, к собственному удивлению, вдруг почувствовал, что ему нравится быть наедине с Катариной: она-то уж точно всегда была на его стороне.

– Профессор Лосс, вы не поверите, что только что произошло на занятии у профессора Мэйхью...

Она тонко улыбнулась.

– Как прошли каникулы, светолуб? Приятно, я думаю? Солнца не многовато было?

Ни разу за все то время, что они с Катариной Лосс были знакомы, чародейка не утруждала себя светской беседой. Странное начало разговора.

– Значит, вы знали, что Хелен Блэкторн здесь? – спросил он.

Катарина кивнула.

– Я знаю обо всем, что происходит в стенах Академии. Мне казалось, уж кому-кому, а тебе-то это должно быть известно.

– Тогда, видимо, вы знаете, как профессор Мэйхью с ней обращался.

– Дай-ка угадаю. Как будто она меньше, чем человек? Не совсем человек?

– Точно! – воскликнул Саймон. – Словно она – грязь у него на подошвах!

– По опыту могу сказать, что профессор Мэйхью обращается так со многими.

Саймон помотал головой.

– Если бы вы только это видели... там все было куда хуже. Может, стоит сказать ректору Пенхоллоу? – Как только он высказал это вслух, идея показалась уже не такой захватывающей. – Она же может... ну я не знаю... – Вряд ли, конечно, она может назначить профессору Мэйхью взыскание. – Ну, *сделать что-нибудь*.

Катарина поджала губы.

– Поступай так, как считаешь правильным, светолоб. Но хочу тебя предупредить, что ректор Пенхоллоу не в силах повлиять на то, как здесь обращаются с Хелен Блэкторн.

– Но она же ректор. Она обязана... ой.

Медленно, но верно части головоломки вставали на свои места. Ректор Пенхоллоу – кузина Алины Пенхоллоу. Подруги Хелен. Мать Алины, Консула Джиа, вероятно, сочли пристрастной, и та вынуждена была сложить с себя полномочия в этом вопросе. И если уж даже Консул не смогла вступить за Хелен, то ректору Академии нечего и надеяться. Но до чего же это несправедливо! Те, кому судьба Хелен Блэкторн по-настоящему небезразлична, не имеют возможности хоть что-то для нее сделать.

– Но зачем вообще Хелен было сюда приезжать? – спросил он. – Я знаю, остров Врангеля, мягко говоря, оставляет желать лучшего, но неужели находиться там – хуже, чем оказаться здесь, на всеобщем обозрении, где тебя все ненавидят?

– Спроси у нее сам, – посоветовала Катарина. – Как раз поэтому я и хотела с тобой поговорить. Хелен попросила меня пригласить тебя к ней, когда закончатся сегодняшние занятия. У нее есть что-то для тебя.

– Что-то для меня? И что же?

– Это ты тоже сам у нее спросишь. Ее поселили в домике на краю западного двора.

Саймон удивился:

– Так она осталась в Академии?

Он никак не мог понять, почему Хелен не уехала, но еще труднее было представить, что она сама пожелает остаться.

– У нее наверняка есть друзья в Аликанте, у которых она могла бы остановиться.

– Наверняка есть. До сих пор. – В голосе Катарины слышались доброта и печаль, словно она пыталась мягко успокоить разволновавшегося ребенка. – Но неужели ты думаешь, что у нее был выбор?

Несколько секунд Саймон в нерешительности стоял у двери домика, не решаясь постучать. Если подумать, меньше всего на свете он сейчас хотел бы встретить кого-то из своей прежней жизни. Его неизменно охватывал страх при мысли, что от него чего-то ждут, а он не может этого дать, или что он знал что-то важное, а сейчас забыл. Слишком уж часто вспыхивал в глазах окружающих свет надежды – и тут же гас, стоило только Саймону открыть рот.

«Но ведь, – уговаривал он себя, – эту девушку ты практически не знаешь. Хелен просто не может ожидать от тебя чего-то серьезного. Если только не всплывет что-то такое, о чем ты не знаешь».

И ведь *наверняка* есть что-то, о чем он не знает... Иначе зачем бы Хелен его приглашать?

«Есть только один способ это выяснить», – подумал Саймон и постучал в дверь.

Хелен уже переоделась в яркий сарафан с узором в горошек и выглядела гораздо моложе, чем казалась там, в классе. И гораздо счастливей. Ее улыбка стала еще шире, когда она увидела, кто пришел.

– Саймон, я так рада! Проходи, присаживайся. Хочешь чего-нибудь поесть или выпить? Может, чашку кофе?

Саймон устроился на единственном диване в крошечной гостиной. Сиденье оказалось потрепанным и неудобным; обивку украшал вышитый цветочный узор, такой выцветший, что, казалось, диван мог бы принадлежать еще его бабушке. Саймон невольно задался вопросом, кто жил здесь раньше. Или Академия просто поддерживала это ветхое помещение в приличном виде – именно для тех, кто приезжает сюда с визитами? Хотя трудно было представить себе, что нашлось бы много желающих поселиться в заброшенной хижине на краю леса. Домик выглядел так, словно в нем жила ведьма из сказки о Гензеле и Гретель, пока не нашла пряничную избушку и не переселилась туда.

– Нет, спасибо, ничего не... – но тут до Саймона дошло последнее сказанное ею слово, и он замер на середине фразы. – Вы сказали «кофе»?

С начала учебного года не прошло и половины недели, а он уже страдал от серьезной нехватки кофеина. Но едва Саймон собрался сказать: «Да, пожалуйста, целое ведро, если можно», – Хелен сунула ему в руки исходящую паром кружку.

– Я так и думала.

Саймон принялся пить жадными глотками. Спрашивается, как вообще можно ощущать себя человеком – ну, или сверхчеловеком, если речь о Сумеречных охотниках суперчеловеком – без ежедневной дозы кофеина?

– Как вы его раздобыли?

– Магнус наколдовал для меня кофеварку, работающую без электричества, – усмехнулась Хелен. – Своего рода прощальный подарок перед отъездом на остров Врангеля. А теперь я не могу без нее жить.

– И как там? На острове, то есть?

Хелен помедлила, прежде чем ответить, и Саймон запоздало отругал себя. Как ему только пришел в голову такой невежливый вопрос? Как можно спрашивать кого-то, понравилось ли ему изгнание в ледяную сибирскую пустыню?

– Холодно, – наконец сказала она. – И одиноко.

– Понятно.

И что на это ответить? Простого «извините» будет мало-

вато, да и не похоже, чтобы Хелен нуждалась в его сочувствии.

– Но мы, по крайней мере, вместе. Мы с Алиной. Это уже что-то. То есть, это – самое главное. Я до сих пор не могу поверить, что она приняла мое предложение. Что она согласилась на брак.

– Вы женитесь? – изумился Саймон. – Потрясающе!

– Так и есть, – улыбнулась девушка. – Трудно даже поверить, сколько света можно отыскать в непроглядной темноте, когда рядом тот, кто тебя любит.

– Она тоже приехала сюда? С тобой?

Саймон окинул взглядом тесный домик. Кроме гостиной, тут была еще только одна комната за закрытой дверью – надо полагать, спальня. Саймон не помнил, как встречался с Алиной, но после рассказов Клэри ему было любопытно.

– Нет, – мотнула головой Хелен. – Алина в сделку не вошла.

– В какую сделку?

Вместо ответа девушка резко сменила тему:

– Так что, понравилась тебе моя сегодняшняя лекция?

Саймон помедлил, прикидывая, как ответить. Он не хотел, чтобы у Хелен сложилось впечатление, что лекция показалась ему скучной. Но будет еще хуже, если девушке покажется, что ему понравилась рассказанная ею ужасная история или то, как профессор Мэйхью оскорблял свою гостью.

– Я удивился, что ты захотела прочитать лекцию, – нако-

нец нашелся Саймон. – Наверное, о таком нелегко рассказывать.

Хелен глянула на него с кривоватой улыбкой.

– «Захотела» – это слишком сильно сказано.

Она встала, чтобы налить ему еще одну чашку кофе, и принялась возиться с кучей посуды на крошечной кухоньке. Саймона не покидало ощущение, что девушка просто старается чем-то занять руки. Может, для того чтобы не встретиться с ним глазами.

– Я заключила с ними сделку. С Конклавом.

Она нервно пробежалась руками по светлым волосам, и Саймон мельком заметил торчащие из прически острые уши.

– Они сказали, что если я на пару дней приеду в Академию и выставлю тут себя напоказ, как этакая полуфейская звезда, мы с Алиной сможем вернуться.

– Насовсем?

Девушка горько рассмеялась.

– На один день и одну ночь – только чтобы пожениться.

Он вдруг подумал о том, что Беатрис сегодня спросила у него после лекции. Почему он так старается стать Сумеречным охотником.

Иногда Саймон и сам не мог вспомнить почему.

– Они вообще не хотели нас отпускать, – едко продолжала Хелен. – Хотели, чтобы мы устроили свадьбу на острове Врангеля. Если свадьбу посреди вымороженной сибирской дыры, без единого друга или родственника вообще можно

назвать свадьбой. Так что, думаю, мне еще повезло: я много от них добилась.

«Повезло» – неподходящее слово, подумал Саймон. Всем своим видом Хелен выдавала отвращение и гнев – но вряд ли ей станет легче, если сказать об этом вслух.

Вместо этого он негромко заметил:

– Меня просто удивило, что они так трясутся над одной-единственной лекцией. В смысле, не то чтобы она была неинтересной или бесполезной... Просто... ну, профессор Мэйхью мог бы и сам нам все рассказать.

Хелен отвернулась от посуды и пристально посмотрела на Саймона.

– Они не трясутся над лекцией. И дело вовсе не в вашем обучении. Дело в том, что им нужно унижить меня. Вот и все.

Она чуть вздрогнула, но потом улыбнулась – слишком весело, слишком наигранно. Глаза ее блестели.

– Забудь об этом. Ты пришел сюда, чтобы я передала тебе кое-что. Вот, держи.

Девушка вытащила из кармана конверт и протянула Саймону.

Заинтригованный, он разорвал его и достал маленький кусочек плотной почтовой бумаги цвета слоновой кости. Бумага была исписана знакомым почерком.

Саймон затаил дыхание.

Дорогой Саймон, писала Иззи.

Знаю, что у меня появилась нехорошая привычка: нагряз-

нуть к тебе в школу и заставить тебя врасплох.

Это уж точно. Каждый раз Изабель появлялась здесь тогда, когда он меньше всего ее ждал. Каждый раз, стоило ей переступить порог Академии, они ссорились. И каждый раз он с сожалением смотрел, как она уходит.

Я пообещала себе, что больше не буду этого делать. Но есть кое-что, о чем я бы хотела с тобой поговорить. Считай это заблаговременным предупреждением. Если ты не возражаешь против моего приезда, скажи об этом Хелен, она мне передаст. Если возражаешь – тоже скажи ей об этом. Пусть будет так, как ты решишь.

Изабель.

Саймон несколько раз перечитал коротенькую записку, пытаясь уловить общий тон, угадать, что скрывается между строк. Нежность? Нетерпение? Исключительно деловой настрой?

У нее была уйма времени до начала учебного года, чтобы спокойно отправить письмо по электронной почте или позвонить. Зачем дожидаться, пока он вернется в Академию, а потом пытаться выйти на связь таким сложным способом? Зачем вообще это делать?

Наверное, потому что порвать навсегда легче с тем, кто находится на другом континенте?

Но в таком случае зачем открывать портал в Идрис и встречаться лицом к лицу?

– Может, тебе нужно немножко подумать? Решить? – сказала Хелен.

Саймон и забыл, что он тут не один.

– Нет, – выпалил он. – То есть нет, не нужно мне об этом думать. И да, да, она может сюда приехать. Конечно. Пожалуйста, скажи ей.

Хватит лепетать, одернул Саймон себя. Довольно и того, что он неизменно превращается в идиота-мямлю, стоило ему только оказаться в одной комнате с Изабель. А теперь он что, от одного только ее имени будет превращаться в заикающегося придурка?

Хелен рассмеялась и громко произнесла:

– Ну, я же тебе говорила!

– Э-э... что ты мне говорила? – не понял Саймон.

– Ты же слышала его! Давай выходи! – еще громче крикнула девушка, и дверь спальни скрипнула, отворяясь.

У Изабель Лайтвуд никогда не получалось выглядеть робкой. Но сейчас она прилагала к тому все усилия.

– Удивлен?

Когда к Саймону наконец вернулся дар речи, в мозгу крутилось только одно слово.

– Изабель.

Энергия, что потрескивала и чуть ли не искрилась между ними, была настолько осязаемой, что Хелен не могла этого не почувствовать. Она стремительно проскользнула за спиной Изабель в спальню и закрыла дверь.

Оставила их наедине.

– Привет, Саймон.

– Привет, Иззи.

– Тебе, наверное... тебе, наверное, интересно, что я здесь делаю.

Изабель никогда еще не казалась настолько неуверенной.

Саймон кивнул.

– Ты мне не позвонил, – объяснила она. – Я спасла тебя от демона-эйдолона, который намеревался оттяпать тебе голову, а ты мне *даже не позвонил*.

– Ты мне тоже так и не позвонила, – уточнил Саймон. – И... э-э... в общем, я думал, что должен был спасти себя сам.

Изабель вздохнула.

– Я подозревала, что ты так и подумаешь.

– Потому что я *должен был* так подумать, Иззи.

– Потому что ты *идиот*, Саймон, – прояснила она. – Но сегодня тебе потрясающе везет, потому что я решила пока что не бросать все это. Слишком все это важно, чтобы разбежаться из-за испорченного свидания.

– Трех испорченных свиданий, – поправил он. – Реально испорченных.

– Худших на свете, – согласилась Изабель.

– *Худших*? Джейс рассказывал мне, как ты однажды встречалась с водяным, который заставил тебя обедать прямо в реке. Уж наверное наши свидания были не настолько плохи,

как...

– Они были худшими на свете, – повторила она и весело рассмеялась.

Саймон подумал, что у него сейчас сердце разорвется от ее смеха – такого беззаботного, такого радостного и музыкального, звучащего почти как обещание. Если они смогут проложить тропинку через неловкость, и боль, и бремя ожиданий, если смогут отыскать дорогу обратно, друг к другу, то в конце пути их ожидает чистое, ничем не омраченное счастье.

– Я тоже не хочу разбежаться, – признался Саймон.

Улыбка, которой Изабель его одарила, оказалась даже слаще и радостней, чем этот смех.

Девушка устроилась рядом с ним на маленьком диване. Теперь Саймон гораздо острее чувствовал те несколько дюймов, что их разделяли. И что, нужно переходить к делу *прямо сейчас?*

– Как по мне, так Нью-Йорк что-то слишком переполнен, – заявила Изабель.

– Демонами?

– Воспоминаниями, – пояснила она.

– Ну, для меня избыток воспоминаний – точно не проблема.

Изабель пихнула его локтем в бок. Даже от этого его тело словно вспыхнуло.

– Ты знаешь, о чем я.

В ответ Саймон тоже пихнул ее локтем.

Касаться ее, совсем обычно и небрежно, словно в этом нет ничего такого...

Вернуться к ней, видеть ее так близко и такой послушной...

Она хотела его.

Он хотел ее.

И все должно было быть очень легко.

Саймон кашлянул и, сам не зная зачем, поднялся с дивана. А потом, словно этой дистанции между ними было недостаточно, отступил к противоположной стене.

– И что же нам теперь делать? – спросил он.

Похоже, Изабель на мгновение растерялась, но уже в следующую секунду кинулась в атаку.

– Устроим свидание. Еще одно. – Девушка не просто говорила – она командовала. – В Аликанте. На нейтральной территории.

– Когда?

– Я уже думала об этом... Прямо сейчас.

Саймон ожидал вовсе не этого – но, с другой стороны, почему бы нет? Занятия на сегодня уже закончились, а второкурсникам разрешалось выходить за пределы Академии. Нет никакой причины не пойти с Изабель на свидание прямо сейчас. За исключением того, что у него не оставалось времени подготовиться, продумать стратегию, разобраться с волосами и решить, что надеть, чтобы иметь вид «небреж-

но-беспорядочный». А также на то, чтобы устроить мозговой штурм и составить список тем для разговора, если вдруг беседа зайдет в тупик... Но ведь все эти приготовления не спасли предыдущие три свидания от провала. Может быть, настало время для спонтанности?

Тем более что Изабель не из тех, кто дает возможность выбирать.

– Хорошо, прямо сейчас, – согласился Саймон. – Хелен пригласим?

– На наше *свидание*?

Тупица. Он мысленно дал себе подзатыльник.

– Хелен, будешь третьей на нашем романтическом свидании? – крикнула Изабель.

Блондинка высунула голову из-за двери.

– Обожаю быть пятым колесом в телеге, – заявила она. – Но мне не разрешено отсюда уходить.

– Что, прости?

Пальцы Изабель поигрывали золотым кнутом, обвитым вокруг левого запястья. Саймон при всем желании не смог бы сейчас упрекнуть девушку в том, что ей хочется испытать этот кнут в деле. На чем-нибудь. Или на ком-нибудь.

– Пожалуйста, скажи, что ты пошутила.

– Катарина поставила у хижины защитный круг, – объяснила Хелен. – Вас он не остановит ни на входе, ни на выходе, но, как мне сказали, чрезвычайно эффективно сработает, если я попытаюсь уйти отсюда раньше, чем мне разрешат.

– Катарина не могла так поступить! – запротестовал Саймон, но осекся, когда Хелен подняла руку, останавливая его.

– Ей они тоже особого выбора не оставили, – печально объяснила она. – Я специально попросила ее согласиться. Это часть сделки.

– Это никуда не годится, – Изабель едва сдерживала ярость. – Саймон, забудь о свидании. Хелен, мы остаемся с тобой.

Она вся так и светилась прекрасным жаром праведного гнева, и Саймон вдруг отчаянно захотел подхватить ее на руки и целовать не отрываясь до самого конца света.

– Об этом не может быть и речи, – отрезала Хелен. – И вы уберетесь отсюда немедленно. Возражения не принимаются.

Вообще-то, конечно, у них нашлась бы целая куча возражений, но Хелен быстро дала им понять, что, если они останутся, она будет знать, что испортила им день, – а это еще хуже, чем торчать тут в одиночестве.

– Пожалуйста, выметайтесь отсюда к чертовой бабушке. И учтите: я говорю это с огромной любовью.

Они с Иззи крепко обнялись, а потом Хелен подошла к Саймону и тоже сжала его в объятиях.

– Не облажайся, – шепнула она ему на ухо и решительно вытолкала обоих за дверь.

На дорожке перед домиком нетерпеливо ржали две белых лошади – они словно ждали Изабель. Саймон предположил, что так оно и было. Животные в Идрисе вели себя иначе,

чем в мире людей: они будто понимали, чего от них хотят, и, если хорошенько попросить, с удовольствием выполняли просьбу.

– Так куда именно мы отправимся? – спросил он.

Саймон только теперь сообразил, что в Аликанте надо на чем-то добираться. Это ведь Идрис. Они сейчас в Идрисе. А значит – никаких машин и поездов. Только средневековые виды транспорта или магические средства. Ну что ж, лошадь наверняка лучше вампирского мотоцикла. Хотя и ненамного.

Изабель усмехнулась и с такой легкостью взлетела в седло, словно не на лошадь садилась, а на велосипед. Саймон же долго и неуклюже вскарабкивался на спину коня, кряхтя, потев и кое-как отгоняя мысль о том, что Изабель только глянет на него и тут же все-таки решит все бросить.

– Мы пойдем по магазинам, – сообщила Изабель. – Пора тебе самому выбрать себе меч.

– Вообще-то это не обязательно должен быть меч, – сказала девушка, когда они вошли в «Стрелу Дианы».

Поездка в Аликанте показалась Саймону словно пришедшей из сна или, по меньшей мере, из дешевого дамского романа. Двое всадников на белых жеребцах галопом неслись мимо крошечных деревушек, по изумрудным лугам и через лес, пылающий осенней листвой. Волосы Изабель чернильной рекой струились по ветру, а Саймону даже удалось не

свалиться с коня – хотя он никогда бы не подумал, что сможет удержаться. А лучше всего было то, что за шумом ветра и топотом копыт разговаривать оказалось невозможно. И пока они молчали, то, что происходило между ними, казалось простым и естественным. Саймон почти забыл, что это один из важнейших дней его жизни и все, что он скажет или сделает, может навсегда положить этому конец.

Но стоило только вновь оказаться на земле, и эта ноша тяжким грузом легла ему на плечи. Нелегко придумывать и говорить умные вещи, если в голове вновь и вновь крутятся два слова.

Не облажайся.

– Тут есть все, – продолжала Иззи, видимо, пытаясь заполнить мрачную тишину, пока нервы Саймона валялись в отключке. – Кинжалы, топоры, сюрикены... ну, и луки, конечно. Самые разные. Потрясающе просто.

– Да, – еле слышно отозвался Саймон. – Потрясающе.

За год, проведенный в Академии, он научился драться почти не хуже любого из своих соучеников, и упражнялся со всеми видами оружия, которые сейчас перечислила Изабель. Но, как выяснилось, уметь обращаться с оружием и *хотеть* его иметь – совершенно разные вещи. В жизни, которой он жил до того, как связался с Сумеречными охотниками, Саймон страстно рассуждал о необходимости запрета на оружие и мечтал, чтобы все ружья и пистолеты Нью-Йорка оказались на дне Ист-Ривер. Конечно, пистолет – это не меч, и

не то чтобы Саймону не нравилось чувствовать под пальцами дрожь тетивы и наблюдать за стремительным и уверенным полетом стрелы прямо в «яблочко». Но то, как Изабель обожала свой кнут, то, как Клэри рассказывала о своем мече, словно о друге или родственнике ... Любовь Сумеречных охотников к оружию, сеющему вокруг себя смерть, – не совсем то, к чему можно быстро привыкнуть.

«Стрела Дианы», оружейный магазин на Флинтлок-стрит, в самом сердце Аликанте, был битком набит самыми разными смертельно опасными предметами. Такого их изобилия Саймон, пожалуй, никогда не встречал, даже в оружейном хранилище Академии, хотя там-то оружия хватило бы на целую армию. Но арсенал Академии больше походил на неприбранный склад, в беспорядке заваленный мечами, кинжалами и луками, а «Стрела Дианы» скорее напоминала роскошный ювелирный салон. Оружие здесь горделиво сверкало на витринах и стендах, покоясь на бархатных подложках.

– И что же именно вы ищете?

За прилавком стоял парень с шипастым ирокезом на голове, одетый в линялую футболку с принтом «Аркейд файер». В таком прикиде ему бы лучше подошло работать в магазине комиксов, чем здесь. И, скорее всего (предположил Саймон), он не Диана.

– Может, лук? – предложила Иззи. – Какой-нибудь по-настоящему эффектный. Достойный чемпиона.

– Может, не надо «эффектный»? – быстро возразил Сай-

мон. — Хватит и чего-нибудь... поскромнее.

— Важность хорошего стиля часто недооценивают, — заметила Изабель. — Надо напугать врага еще до того, как ты сделаешь первый шаг.

— А тебе не кажется, что с этой задачей вполне справится мой устрашающий прикид? — Саймон ткнул пальцем в собственную футболку, на которой красовался мультяшный кот, извергающий из себя зеленую рвоту.

Изабель издала звук, похожий на жалостливый смешок, и вновь повернулась к не-Диане.

— Что у вас есть из кинжалов? Желательно с позолотой.

— Я не особый любитель позолоты, — встрял Саймон. — И... Э-э... кинжалов тоже.

— У нас есть великолепные мечи, — предложил продавец.

— Ты такой привлекательный, когда держишь меч, — промурлыкала Изабель. — Если я правильно помню.

— Может, и правда?

Саймон изо всех сил старался, чтобы это прозвучало заинтересованно, с воодушевлением, но Изабель наверняка услышала в его голосе скептические нотки.

Она обернулась.

— Кажется, ты *не хочешь* оружие.

— Ну...

— Тогда что мы здесь забыли?

— Ты сама предложила сюда пойти, разве нет?

Саймону показалось, что Изабель сейчас затопает ногами

– или вlepит ему пощечину.

– Ну прости, что пытаюсь помочь тебе научиться себя вести как приличный Сумеречный охотник. Забудь. Пошли отсюда.

– Нет! – испуганно воскликнул Саймон. – Я не это имел в виду.

С Изабель все время получалось не так, как предполагалось поначалу. Саймон всегда считал себя человеком слова, а не дела. То есть не мечта, если уж на то пошло. Мама часто повторяла, что он может уговорить ее практически на все, что угодно. С Изабель же единственное, что ему удавалось, – это отговорить самого себя встречаться с девушками.

– Я... м-м... просто дам вам время тут осмотреться, хорошо? – предложил продавец, пытаясь разрядить напряженную атмосферу, и тут же исчез в подсобке.

– Прости, – попросил Саймон. – Давай останемся, пожалуйста. Конечно, я хочу, чтобы ты помогла мне что-нибудь выбрать.

Изабель вздохнула.

– Нет, это ты прости. Выбор первого оружия – очень личное дело. Я понимаю. Не торопись. Смотри, выбирай. Я буду молчать.

– Мне не нужно, чтобы ты молчала, – возразил он.

Но девушка помотала головой и показала, будто застегивает рот на «молнию». Потом подняла три пальца – точь-в-точь как бойскауты в лагере. Сумеречные охотники вряд ли

знали этот жест, так что впору было задуматься, кто ее этому научил.

Уж не он ли сам?

Иногда Саймон просто ненавидел того, прежнего Саймона и все то, чем он делился с Изабель, – то, чего теперешнему Саймону никогда не понять. Соперничать с самим собой – ну и ну! От этой несуразности у него начинала болеть голова.

Они осмотрели весь магазин, перепробовав все, что подворачивалось под руку: копыя, ритуальные ножи, клинки серафимов, арбалеты особой конструкции, чакры, метательные ножи, целую витрину золотых кнутов, по которым Изабель чуть слюнки не пустила.

Тишина угнетала. У Саймона еще не было хороших свиданий – по крайней мере за то время, которое он помнил, – но он почти не сомневался, что обычно на свиданиях все-таки разговаривают, а не молчат.

– Бедная Хелен, – наконец выдал он, прикидывая вес и оценивая балансировку палаша, стилизованного под средневековый. На этой теме у них с Изабель разногласий вроде бы не предполагалось.

– Ненавижу их. За то, что они с ней делают, – отозвалась девушка. Она поглаживала убийственный даже на первый взгляд серебристый кинжал, словно ласкала щенка. – Как все прошло там, в классе? Так ужасно, как я себе представляю?

– Хуже, – признался Саймон. – Видела бы ты, как она смотрела, когда рассказывала историю своих родителей...

Пальцы Изабель крепче сжались на рукоятке кинжала.

– Почему они не видят, что это отвратительно – обращаться с ней вот так? Она же *не фейри*.

– Ну, дело ведь не в этом, не так ли?

Девушка осторожно вернула кинжал на бархатную подложку.

– Ты о чем?

– О том, правда ли она фейри или нет. Это же к делу не относится.

Пламенным взглядом Изабель буквально пригвоздила его к полу.

– Хелен Блэкторн – Сумеречный охотник, – отчетливо выговаривая слова, произнесла она. – Марк Блэкторн – Сумеречный охотник. И если ты с этим не согласен, значит, у нас проблемы.

– Разумеется, я с этим согласен.

Глядя, как она разозлилась, когда затронули честь ее друзей, Саймон в очередной раз понял, как сильно любит эту девушку. Почему же он не может просто *сказать* ей об этом? Почему все так сложно?

– Они такие же Сумеречные охотники, как и ты. Я просто имел в виду, что даже если бы они не были нефилимами, если бы мы разговаривали о каких-то провинившихся фейри, все равно это бы не оправдывало такие отношения к ней. Даже будь она настоящим врагом, это все равно было бы неправильно.

– Да ладно...

Саймон удивился.

– В смысле – «да ладно»?

– В смысле, что, возможно, каждый фейри – наш потенциальный враг. Ты только посмотри, Саймон, что они с нами сделали! Посмотри, сколько несчастий они принесли!

– Но ведь не все же фейри приносили эти несчастья! А расплачиваются почему-то все.

Изабель вздохнула.

– Слушай, мне этот Холодный Мир нравится еще меньше, чем тебе. И да, ты прав: не все фейри – наши враги. Это очевидно. Не все из них нас предали, и да, нечестно, что наказание за предательство несут все. Или ты думаешь, я этого не знаю?

– Думаю, что знаешь.

– Но...

Саймон перебил ее:

– Я не понимаю, какое тут еще может быть «но».

– «Но» означает, что не все так просто, как ты пытаешься представить. Королева Летнего двора действительно предала нас. В Смертельной войне целый легион фейри присоединился к Себастьяну. Много хороших Сумеречных охотников погибли. Ты не можешь не понимать, отчего мы так разозлились. И испугались.

Хватит болтать, приказал Саймон сам себе. Мама говорила ему, что на свиданиях нельзя обсуждать ни религию,

ни политику. Он, правда, не знал, под какую из двух категорий подпадают действия Конклава, но, как бы то ни было, это все не лучшая тема для разговора.

Саймон прекрасно это понимал – но почему-то продолжал говорить.

– Мне все равно, испугались вы или разозлились, но наказывать всех фейри за ошибки некоторых представителей их народа – несправедливо. И ущемлять интересы всего народа...

– Я же не говорю, что нужно это делать...

– Вообще-то ты именно это и сказала.

– О, великолепно, Саймон. Получается, что королева Летнего двора и ее приспешники уничтожили сотни Сумеречных охотников, а виновата я?

– Я не говорил, что ты виновата.

– Но подумал, – отрезала она.

– Может, ты перестанешь сообщать мне, о чем я думаю, а? – рявкнул Саймон резче, чем хотелось бы.

Изабель закрыла рот.

Глубоко вздохнула.

Саймон досчитал до десяти.

Когда девушка снова заговорила, голос ее звучал гораздо спокойнее – но и куда злее.

– Я, кажется, уже сказала тебе, Саймон. Мне не нравится Холодный Мир. Чтоб ты знал: я его ненавижу. Не только из-за того, что сделали с Хелен и Алиной. А потому, что это

неправильно. Но... не могу сказать, что у меня есть идея получше. Дело тут не в том, кому мы – то есть мы с тобой – хотим доверять; дело в том, кому может доверять Конклав. Ты же не станешь подписывать договор с теми, кто отказывается выполнять собственные обещания! И если бы Конклав захотел мести... – Изабель выразительно обвела взглядом стены с оружием, – ...поверь мне, он бы своего добился. Холодный Мир заключен не только ради Дивного народа. Он нужен и нам. Мне это может сколько угодно не нравиться, но я понимаю, зачем это нужно. И, видимо, понимаю лучше, чем ты. Если бы ты там был, если бы знал...

– Я там был, – тихо сказал Саймон. – Помнишь?

– Конечно помню. Но ты – ты-то *не помнишь*. А это не одно и то же. Ты не...

– ...не такой, как был, – закончил он.

– Я не это хотела сказать, я просто...

– Поверь мне, Иззи. Я не такой, как был. И никогда больше таким не буду.

Изабель издала странный звук – что-то среднее между шипением и воем.

– Может, хватит уже эксплуатировать этот свой комплекс неполноценности? «Старый Саймон – новый Саймон», а? Просто уже в зубах навязло! Попробуй проявить хоть немного фантазии и придумать новое оправдание.

– Новое оправдание для чего? – Саймон явно был сбит с толку.

– Для того, чтобы не быть со мной! – рывкнула она. – Потому что ты явно его ищешь. Пошевели мозгами получше.

Девушка выскочила из магазина, изо всех сил хлопнув дверью. Колокольчик на двери звякнул, и за прилавком вновь появился не-Диана.

– А-а, это все еще вы, – протянул он с явным разочарованием. – Ну как, что-нибудь решили?

Можно было бросить все прямо сейчас. Прекратить эти бесплодные попытки, перестать бороться и просто дать ей уйти. Это было бы легче всего. Все, что нужно сделать, – не делать ничего и позволить всему идти своим чередом.

– Я давным-давно все решил, – ответил Саймон и выбежал из магазина.

Ему нужно было отыскать Изабель.

Задача оказалась не такой уж сложной. Девушка сидела на скамейке на другой стороне улицы. Лицо она спрятала в ладонях.

Саймон сел рядом и тихо сказал:

– Прости меня.

Изабель помотала головой, не отнимая рук.

– Не могу поверить, что оказалась настолько тупой и решила, что это сработает.

– Все еще может сработать, – пробормотал он, отчаянно смущаясь. – Я все еще хочу, чтобы сработало. Если, конечно, ты...

– Да не в нас с тобой дело, дурак!

Девушка наконец подняла голову и поглядела на него. К счастью, глаза ее были сухи. Она вообще не казалась грустной – скорее разъяренной.

– Идея с покупкой оружия. Все, это последний раз, когда я послушалась Джейса.

– Так это Джейс тебе посоветовал? – Саймон не поверил своим ушам.

– Ну, ни у тебя, ни у меня с этим, похоже, ничего не выходит. А они с Клэри когда-то покупали ей здесь меч, и все получилось ужасно сексуально, так что я просто подумала, может...

Саймон с облегчением рассмеялся.

– Терпеть не могу тебя перебивать, но ты же не с Джейсом на свидание собралась.

– Еще чего!

– Да нет. Я имел в виду, ты не встречаешься с парнями, *похожими* на Джейса.

– Сдается мне, я и не подозревала, что вообще с кем-то встречаюсь, – голос ее сочился ледяным холодом. Сердце Саймона забилося где-то в горле, как преступник на колючей проволоке. Но миг спустя Изабель, похоже, чуть смягчилась. – Шутка. В основном.

– Мне стало легче, – отозвался он. – В основном.

Изабель вздохнула.

– Прости, что получилось так ужасно.

– Не только ты тут виновата.

– Ну да, так и есть. Не только я тут виновата. Я тут практически не виновата.

– Э-э... Мне казалось, мы перешли к извинениям, или я ошибся?

– Перешли. Извини.

Саймон ухмыльнулся.

– Ну вот и славненько.

– И что дальше? Вернемся в Академию?

– Шутишь, что ли?

Он поднялся на ноги и протянул Изабель руку. О чудо! – она ее приняла.

– Мы не разбежимся, пока не сделаем все, что можно. Но не станем притворяться и стараться, чтобы у нас все получилось так, как у Джейса с Клэри. В этом-то и проблема, правда? Мы пытаемся быть кем-то другим, не собой. Из меня не выйдет стильного тусовщика по ночным клубам.

– Не думаю, что здесь вообще есть тусовщики, – Изабель иронично приподняла бровь. – Как и ночные клубы.

– Тем более. А ты никогда не станешь геймером, способным ночь напролет обсуждать сюжет «Наруто» или сражаться с орками в «Подземельях и драконах».

– Да я и слов-то таких не знаю!

– И мы с тобой никогда не станем Джейсом и Клэри...

– Слава богу.

Они произнесли это почти в один голос и широко улыбнулись друг другу.

– Ну и что же ты предлагаешь? – спросила Иззи.

– Кое-что новое.

Мысли Саймона лихорадочно метались в поисках полезной идеи. Он был уверен, что уже придумал ее, но пока еще точно не знал, в чем она заключается.

– Не твой мир. Не мой мир. Новый мир, только для нас двоих.

– Пожалуйста, только не говори, что ты хочешь открыть портал в другое измерение. Потому что в прошлый раз это не очень-то получилось.

Саймон усмехнулся – идея сложилась окончательно.

– Пожалуй, мы найдем местечко поближе к дому...

Солнце закатывалось за горизонт, и облака – груды сахарной ваты – смущенно порозовели. Их отражения подрагивали в кристально прозрачной воде озера Лин. Лошади щипали траву, щебетали птицы, а Саймон с Изабель хрустели арахисовыми козинаками и попкорном. Вот они, звуки счастья, подумал Саймон.

– Ты так и не рассказал мне, как нашел это место, – мягко упрекнула Изабель. – Но здесь просто чудесно.

Саймону не хотелось признаваться, что об уединенной бухте на краю озера Лин ему рассказал Джон Картрайт. Бухточку скрывали от посторонних глаз развесистые ивы, а радуга полевых цветов превращала ее в идеальное место для романтического пикника. (Даже если пикник – это арахис-

совые козинаки, попкорн и другие убийцы зубов и сосудов, захваченные по дороге из Аликанте.) Саймон, давно уставший от рассказней Джона о его романтических похождениях, научился отключаться, когда Картрайт начинал очередное повествование, – но, видимо, какие-то подробности все-таки застревали в памяти. И их оказалось достаточно, чтобы отыскать это место.

Джон Картрайт – хвастун и шут гороховый. Саймон не изменил бы своего о нем мнения до самой смерти.

Но, оказывается, у этого парня хороший вкус на места для романтических встреч.

– Да просто наткнулся как-то, – пробормотал он. – Повезло, наверное.

Изабель не сводила взгляда с невероятно гладкого зеркала воды.

– Это место напоминает мне ферму Люка, – негромко заметила она.

– Мне тоже, – отозвался Саймон.

В той, другой жизни, в той, которую он едва помнил, они с Клэри провели немало долгих счастливых дней в летнем домике Люка, где-то в глуши. Брызгались в озере, валялись на траве, придумывали клички облакам...

Изабель повернулась к нему. Куртка Саймона лежала между ними на траве вместо скатерти. Не очень большая скатерть: даже наклоняться не придется, если он захочет дотянуться до девушки.

И как раз этого Саймон сейчас и хотел. Больше всего на свете.

– Я много об этом думала, – сказала Иззи. – О ферме, об озере...

– Почему?

– Потому что там я тебя чуть не потеряла, – мягко произнесла она. – Точнее, думала, что потеряю тебя. Но все-таки вернула.

Саймон понятия не имел, что сказать. Слова не шли на язык.

– Хотя это совершенно неважно, – куда суровее заявила Изабель. – Ты ведь даже не знаешь, о чем я говорю.

– Я знаю, что там случилось.

А именно: Саймон вызвал Разиэля, и ангел ему действительно явился.

Он хотел бы это помнить. Хотел бы помнить, каково это – разговаривать с ангелом. На что это похоже.

– Тебе Клэри рассказала, – бесцветным голосом заметила она.

– Да.

Тема Клэри Изабель немного напрягала. Она определенно не желала слышать ничего о том, как Саймон провел это лето с Клэри. О том, как они лежали бок о бок на траве в Центральном парке и обменивались воспоминаниями: Саймон описывал то, что помнил сам, а Клэри рассказывала, как все было на самом деле.

– Но ее там даже не было, – недовольно сказала Иззи.

– Самое важное-то она знает.

Изабель мотнула головой. Потом потянулась через куртку и положила руку на колено Саймона. В ушах загудело так, что он едва расслышал следующие ее слова.

– Раз ее там не было, она не знает, как храбро ты держался. Она не знает, как я за тебя боялась. Вот что самое важное.

Повисла тишина. Но она не была натянутой или неуместной. Наоборот, Саймон вдруг понял, что в этой тишине может услышать то, чего Изабель не сказала – и чего ей даже не нужно было говорить. И может ответить ей точно так же, без слов.

– На что это похоже, – любопытствовала девушка, – ничего не помнить? Как чистая доска?

Ее теплая рука все еще лежала у него на колене.

До сих пор Изабель никогда его об этом не спрашивала.

– Не совсем. – Саймон попытался объяснить: – Скорее как... двойные видения. Словно одновременно помнишь о двух совершенно разных событиях. Иногда более реальным кажется одно воспоминание, иногда – другое. Иногда все вообще размыто.

– Но ты понемногу вспоминаешь.

– Кое-что, – согласился он. – Джордана, например. Я многое о нем вспомнил. Вспомнил, как заботился о нем. Как... – Саймон тяжело сглотнул. – Как потерял. Помню, как мама жутко меня боялась, когда я был вампиром. И кое-что о том,

как похитили маму Клэри. Мы с ней были друзьями еще до того, как все это завертелось. Для Бруклина это нормально.

Он остановился, заметив, что Изабель помрачнела.

– Ну конечно. Клэри-то ты помнишь.

– Все не совсем так.

– Не совсем так – это как?

Саймон даже не задумался, что делает. Он просто сделал это.

Взял Изабель за руку.

И девушка не отняла ее.

Он не очень-то был уверен, что сумеет объяснить, – слишком уж все еще путалось в голове, – но попытаться должен.

– То, что я вспоминаю в первую очередь, не всегда важнее того, о чем я не могу вспомнить. Порой вообще всплывают какие-то случайные вещи. А иногда... Не знаю даже, как сказать... Иногда мне кажется, что самое важное вспомнить будет труднее всего. Воспоминания погребены под землей, как динозавры, и приходится их откапывать. Что-то лежит у самой поверхности, а что-то зарыто на мили в глубину.

– То есть ты хочешь сказать, что я зарыта на мили в глубину?

Саймон крепко сжал руку девушки.

– Думаю, ты где-то в самом центре Земли.

– Ты такой *странный*.

– Стараюсь.

Изабель переплела свои пальцы с пальцами Саймона.

– Знаешь, я тебе завидую. Иногда. Завидую, что ты способен забыть.

– Шутишь? – Саймон не хотел даже понимать, что она только что сказала. – Ты хотела бы забыть все, что у тебя есть? Всех своих знакомых? Вычеркнуть их из своей жизни?

Изабель оглянулась на озеро. Медленно моргнула.

– Иногда люди уходят сами, хочешь ты того или нет. И порой это ранит так сильно, что проще всего забыть об этом человеке навсегда.

Ей не потребовалось называть имя. Саймон сам это сделал.

– Макс.

– Ты его помнишь?

Он даже не подозревал, как печально на самом деле звучит надежда.

Саймон помотал головой.

– Хотел бы. Но нет.

– Тебе о нем Клэри рассказала. – Это был не вопрос. – И о том, что с ним случилось.

Он кивнул, но девушка по-прежнему не сводила взгляда с воды.

– Тогда ты знаешь, что он умер в Идрисе. И порой мне хочется быть здесь. Здесь я... словно бы ближе к нему. А порой мне хочется стереть это место с лица земли. Чтобы сюда больше никто никогда не пришел.

– Мне очень жаль, – сказал Саймон, невольно ловя себя

на мысли, что эти три слова – самые бесполезные на свете. – Хотел бы я сказать хоть что-нибудь, что могло бы тебе помочь.

Девушка повернулась к нему.

– Ты уже сказал, – прошептала она.

– Что?

– После того как Макс... Ты... ты кое-что сказал. И помог мне.

– Иззи...

– Да?

Вот он, момент истины! Миг, когда разговоры превращаются в молчаливые неотрывные взгляды, а взгляды неизбежно сменяются поцелуями. И все, что нужно сделать, – лишь немного наклониться вперед и отдаться на волю судьбы.

Саймон отстранился.

– Нам, наверное, пора возвращаться в Академию.

Изабель снова издала тот самый звук – шипение рассерженной кошки, – и бросила в него кусок козинака.

– Да что с тобой такое? – рывкнула она. – Со мной-то все в порядке, это я точно знаю. И ты был бы полным придурком, если бы не хотел меня поцеловать. А если это такая идиотская игра, то ты зря тратишь время. Потому что, поверь мне, я знаю, когда парень хочет меня поцеловать. И ты, Саймон Льюис, этого хочешь. Так что происходит?

– Понятия не имею, – признался он и, как бы смешно это ни звучало, ни капельки не соврал.

– Это все твои дурацкие воспоминания? Неужто ты и правда все еще боишься, что не сможешь соответствовать той потрясающей версии самого себя, о которой ты забыл? Или ты хочешь, чтобы я рассказала все, в чем ты не такой уж потрясающий? Ну так я расскажу. Во-первых, ты хранишь.

– Нет.

– Как демон-древак.

– Чушь, – оскорбился Саймон.

Изабель фыркнула.

– Я считаю, Саймон, что ты должен пройти через все это. Думала, ты понимаешь: никто не ждет от тебя, что ты будешь кем-то другим, не тем, кто ты на самом деле. Мне нужно, чтобы ты был самим собой. Я хочу только тебя. Этого Саймона. Разве мы не поэтому здесь? Потому что тебя наконец осенило?

– Думаю, да.

– Так чего ты боишься? Потому что ты явно чего-то боишься.

– Как ты узнала? – Саймон не понимал, как она может быть так уверена, хотя он даже намека ей не дал.

Девушка улыбнулась – той самой улыбкой, ради которой ему хотелось одновременно и задушить, и поцеловать Изабель.

– Потому что я тебя знаю.

Саймон подумал, что хочет взять ее на руки. Но стоило начать воображать, что он при этом будет чувствовать, и Сай-

мон понял, чего он боится.

Это ощущение тяжестью легло на плечи, его огромность кружила голову, словно он долго смотрел на солнце без очков. Словно *падал* на солнце.

– Потеряться, – пробормотал Саймон.

– Что?

– Вот чего я боюсь. Боюсь потеряться во всем этом. В тебе. Я целый год потратил, чтобы найти себя, понять, кто я такой. А теперь есть ты, есть мы и есть эта всепоглощающая черная дыра чувств. И если я в нее провалюсь... Я словно стою на краю Большого каньона, понимаешь? Будто передо мной – что-то большее и гораздо более глубокое, чем человеческий разум в состоянии вообразить. И мне всего лишь нужно... спрыгнуть?

Он нервно ждал ее реакции, подозревая, что девушкам не очень-то нравится, если ты признаешься, что боишься их. А девушки вроде Иззи вряд ли вдохновятся идеей, что ты вообще чего-то боишься. Изабель не боится ничего, и она заслуживает кого-то такого же смелого, как она сама.

– И это всё? – Ее лицо светилось от облегчения. – Саймон, неужели ты думаешь, что я сама этого не боюсь? Ты на этом краю не один. И если спрыгивать, то мы спрыгнем вместе. Упадем *вместе*.

Саймон так долго старался отыскать и собрать воедино куски собственного «я», сложить головоломку до конца... Но последний кусочек, самый важный, все это время был у

него прямо перед глазами. Потеряться в Иззи – может быть, это единственный способ найти себя?

Может быть, это, здесь и сейчас, – его дом?

«Хватит плохих метафор, – мысленно произнес он. – Хватит отсрочек».

«Хватит бояться».

Он выкинул из головы все мысли о том человеке, кем он был раньше, о том, как они с Изабель раньше относились друг к другу. Перестал думать о том, уж не испортил ли он все и если да, то почему хотел это сделать. Он не думал больше ни о демонической амнезии, ни об Академии Сумеречных охотников, ни о Дивном народе, ни о Смертельной войне, ни о политиках, ни о домашнем задании, ни о мечях, кинжалах и прочих смертельно острых предметах.

Саймон не думал больше о том, что еще может пойти не так.

Он просто заключил Изабель в объятия и поцеловал – именно так, как хотел поцеловать с тех самых пор, как впервые увидел; не как персонаж любовного романа, и не как Сумеречный охотник, и не как придуманный герой из прошлого, но так, как он, Саймон Льюис, бы поцеловал девушку, которую любит больше всех на свете.

Вот что значит падать на солнце. Падать вместе, когда сердца охвачены светлым огнем. И Саймон знал, что падение это будет вечным, что теперь, когда Изабель снова в его руках, он больше никогда ее не отпустит.

Союз зрелых умов не признает никаких препятствий – точно так же, как и подростки, решившие выбраться вдвоем на природу. Особенно когда один из них – ученик Академии Сумеречных охотников, которого поджидают домашнее задание и комендантский час, а второй – воительница с демонами, которую наутро ждет очередная вылазка.

Если бы все зависело только от Саймона, он бы провел всю следующую неделю – а может, и вечность, – валяясь с Иззи на траве, слушая, как плещется озерная вода и теряя голову от прикосновений своей любимой и от вкуса ее губ. Но вместо этого его ждали два незабываемых часа, а потом – сумасшедшая скачка головокружительным карьером до самой Академии и еще один час, заполненный прощальными поцелуями. Наконец Саймон все-таки отпустил Изабель в портал, взяв обещание, что она вернется, как только сможет.

Чтобы поблагодарить Хелен Блэкторн за помощь, пришлось ждать утра. Когда Саймон заглянул к ней, девушка как раз упаковывала вещи перед отъездом.

– Вижу, свидание удалось, – сказала Хелен, открыв дверь.

– Кто это тебе проболтался?

Хелен улыбнулась.

– Да ты же весь просто светишься.

Саймон поблагодарил ее, как и собирался, и вручил Хелен маленький пакетик печенья, который выпросил в столовой. Это была единственная по-настоящему вкусная еда в Акаде-

мии.

– Можешь считать это первой выплатой в счет моего долга, – пошутил он.

– Ты ничего мне не должен. А впрочем, если и правда хочешь отплатить, приходи на свадьбу. Будешь Иззиным «плюс один».

– Ни за что не пропущу, – пообещал Саймон. – Какого числа это будет?

– Первого декабря, – ответила Хелен, но голос ее предательски дрогнул. – Наверное.

– Может, раньше?

– Может, вообще никогда, – печально призналась она.

– Что? Вы же с Алиной не собираетесь разбежаться? – Саймон одернул себя, вспомнив, что разговаривает с человеком, которого едва знает. Он даже не мог пообещать ей, что все будет хорошо: от того, что сам он вдруг узнал счастье в любви, другие не станут счастливее. – Прости, это не мое дело, но... если ты не хочешь свадьбы с Алиной, зачем тогда ты проделала весь этот путь и пережила всю эту гадость?

– Да нет же! Я хочу этого. Больше всего на свете хочу! Просто, оказавшись здесь, я задумалась, не слишком ли это будет эгоистично.

– А что в этом эгоистичного? – удивился Саймон.

– Да ты погляди на меня! – вспыхнула Хелен, и ярость, которую она так тщательно скрывала целый день – а может, и куда дольше, – вырвалась наружу. – Все на меня пялятся,

словно я из шоу уродов; и слава богу, что самые добрые хотя бы за врага не считают! Алина застряла на этом богом забытом острове из-за меня. Неужто ей придется страдать из-за меня и всю оставшуюся жизнь? Просто потому, что ее угораздило в меня влюбиться? Разве имею я право так с ней поступать?

– Ты же не можешь считать, что все это происходит по твоей вине!

Саймон плохо знал Хелен, но все, что она сейчас высказала, казалось ему неправильным.

– Профессор Мэйхью говорит, что, если бы я ее действительно любила, я бы оставила ее в покое, – призналась де-вушка. – Не стала бы тащить ее следом за собой в тот кошмар, которым стала вся моя жизнь. То, что я так цепляюсь за Алину, лишь доказывает, что во мне гораздо больше от феири, чем я сама думала.

– Профессор Мэйхью – просто тролль, – отозвался Саймон и задумался, чего будет стоить уговорить Катарину на самом деле превратить его в тролля. Или в жабу. Или в ящерицу. В любого гада, который лучше подошел бы его подлой душонке. – Если ты действительно любишь Алину, то сделаешь все возможное, чтобы ее удержать. Кстати, именно это ты и делаешь. Кроме того, не понимаю, почему ты думаешь, что она тебя отпустит, если ты попытаешься порвать с ней навсегда ради ее же блага. Если то, что я слышал об Алине, – правда, то у тебя ничего не выйдет.

– Не выйдет, – с нежностью в голосе согласилась Хелен. – Она бы сражалась за меня до последней капли крови.

– Тогда почему бы тебе не примириться с неизбежным? Признай, что ты никуда от нее не денешься. Она – любовь всей твоей жизни. Прими это и смирись.

Хелен вздохнула.

– Изабель передала мне, что ты говорил о фейри. Ты думаешь, это неправильно, что их унижают. Думаешь, фейри могут быть хорошими, как и люди.

Он никак не мог понять, к чему клонит Хелен, но не упустил случая подтвердить собственное мнение.

– Да, она права. Я действительно так думаю.

– Знаешь, Изабель тоже так считает, – заметила Хелен. – И приложила все усилия, чтобы убедить в этом меня.

– Ты о чем? – смутился Саймон. – Неужели *тебя* нужно убеждать?

Хелен сцепила пальцы в замок.

– Знаешь, я вовсе не хотела сюда тащиться, чтобы рассказывать кучке балбесов историю своих родителей. Во всяком случае, добровольно. Но я и не придумывала ничего. Все это правда. Моя мать была именно такой, как я рассказала, и я сама – наполовину такая же, как она.

– Нет, Хелен, это не...

– Знаешь стихотворение «Прекрасная дама, не знающая милосердия»?

Саймон помотал головой. Он вообще не помнил ника-

ких стихов, кроме дурацких песенок на слова доктора Сьюза – тех самых, что молва приписывала Бобу Дилану. – Это Китс, – пояснила Хелен и на память прочитала несколько строф:

Я в грот вошёл за ней, бескрыл,
Была терпка слеза.
И поцелуями закрыл
Я дикие глаза.

Летели сны в крошечной тьме...
Мне снился сон о том,
Что я простёрся на холме
Холодном и пустом.

Там были принцы и пажи,
И каждый худ и слаб.
«Жестокой нашей госпожи
Теперь ты будешь раб!»

– Китс писал о фейри? – удивился Саймон. Если бы об этом упоминали на уроках литературы, он, наверное, уделил бы Китсу больше внимания.

– Отец часто читал это стихотворение, – сказала Хелен. – Так он рассказывал нам с Марком, откуда мы родом.

– Чтобы рассказать вам о вашей матери, он читал стихотворение о злобной королеве фей, соблазняющей мужчин и мучающей их до смерти? – ошарашенно переспросил Сай-

мон. — Без обид, но это... это жестоко.

— Отец любил нас, несмотря на то, откуда мы родом, — она словно пыталась убедить саму себя. — Однако я всегда чувствовала, что он... что какая-то часть его все время насто-роже. Словно он ждал, что во мне проявится *она*. С Марком все было иначе, но он мальчик. Ведь девочки обычно больше похожи на матерей.

— Не уверен, что это научное объяснение.

— Вот и Марк так говорил. Всегда повторял, что феэри не имеют к нам никакого отношения. Я честно старалась ему поверить, но потом, когда его забрали... и когда Инквизи-тор рассказал мне историю моей родной матери... я стала сомневаться...

Потерявшись в собственных страхах, Хелен невидяще смотрела мимо Саймона, куда-то за стены своей доброволь-но воздвигнутой тюрьмы.

— Что, если я и правда соблазняю Алину, ташу ее за собой в этот грот? Что, если потребность все разрушать, использо-вать любовь как оружие, спит где-то глубоко во мне, а я об этом и не догадываюсь? Такой, знаешь ли, подарок от ма-мочки...

— Слушай, я ничего не знаю о феэри. Вообще ничего. Не знаю, что за сделку заключила твоя мать, не знаю, что для тебя самой значит быть наполовину одной, наполовину дру-гой. Но я знаю, что дело не в крови. Не кровь делает нас та-кими, какие мы есть. Теми, кто мы на самом деле, нас делают

решения, которые мы принимаем. Если за прошедший год я что и узнал, то именно это. А еще я знаю, что любовь не может быть неправильной – даже если она тебя пугает. Любить кого-то – значит не причинять этому человеку боли.

Хелен улыбнулась. Глаза ее блестели от так и не пролившихся слез.

– Ради нас обоих, Саймон, я всей душой надеюсь, что ты прав.

В стране, что под холмом, в былые времена...

Когда-то, давным-давно, жила-была прекрасная дама Летнего двора, отдавшая свое сердце сыну ангела.

Когда-то, давным-давно, жили-были двое юношей, два благородных смелых брата, которые пришли в страну фей. Один из них, Эндрю, увидел ту прекрасную даму и, ошеломленный ее красотой, поклялся остаться с ней. А второй юноша, Артур, не смог покинуть брата.

Так оба остались под холмом. Эндрю любил прекрасную даму, Артур ее презирал.

Прекрасная дама приблизила к себе юношу, присягнувшего ей на верность. А когда ее сестра пожелала забрать себе второго брата, дама отдала его с легким сердцем: для нее он ничего не значил.

Прекрасная дама надела на шею Эндрю серебряную цепь – символ своей любви – и обучала его обычаям Дивного на-

рода. Она танцевала с ним на балах под небом, усыпанным звездами. Она кормила его лунным светом и показывала, как находить путь в глухой чаще.

Иногда по ночам они слышали крики Артура, и дама говорила своему юноше, что это кричит животное, страдающее от боли. Ведь страдать от боли – в природе всякого зверя.

Дама не лгала – она просто не умела лгать.

Люди – звери.

Страдать от боли – в их природе.

Семь долгих лет прекрасная дама и ее возлюбленный прожили в радости. Она безраздельно владела сердцем Эндрю, он владел ее сердцем, а где-то там, далеко, все кричал и кричал Артур. Эндрю об этом не знал; прекрасной даме было все равно; ничто не мешало их счастью.

До того самого дня, когда Эндрю все-таки открылась правда о брате.

Леди думала, что ее возлюбленный сойдет с ума от горя и вины. Но ради любви к нему она сплела для него сказку из обманчивой правды – такую сказку, в которую он и сам захотел бы поверить. Сказку о том, что он был околдован и только поэтому полюбил прекрасную даму; сказку о том, что он никогда не предавал своего брата; сказку о том, что сам он оказался в рабстве у феири; сказку о том, что эти семь лет любви – всего лишь ложь.

Дама освободила того из братьев, кто не был ей нужен, и внушила ему, что он сбежал сам.

Дама подставила грудь под кинжал этого бесполезного брата и внушила ему, что он ее убил.

Дама не помешала своему любимому отречься от нее и сбежать.

У нее остались плоды их союза, и она смотрела на них, целовала, пыталась их полюбить. Но эти крошки были лишь частью ее возлюбленного. Ей же был нужен весь Эндрю – или ничего.

И она отдала ему последнее – его детей.

Больше прекрасной даме незачем было жить, и она ушла из жизни.

Такова правда, которую она унесла с собой в могилу; правда, которой ее любимый никогда не узнает; правда, которой никогда не узнает ее дочь.

Так любят фейри – всем телом и всей душой. Так любят фейри – разрушая тех, кого они любят.

«Я люблю тебя», – говорила она ему ночь за ночью, все семь лет. Фейри не умеют лгать, и он об этом знал.

«Я люблю тебя», – говорил он ей, ночь за ночью, все семь лет. Люди умеют лгать, и прекрасная дама внушила ему, что он лгал; она позволила поверить в это и его брату, и его детям, – и умерла с надеждой, что они будут в это верить всегда.

Так любят фейри – они всегда оставляют подарок тому, кого любят.

Горечь на языке

Сияло солнце, пели птицы. В Академии Сумеречных охотников был прекрасный день.

Ну, по крайней мере, Саймон был практически уверен, что солнце действительно сияло. Слабое свечение проникало в их с Джорджем комнату, едва рассеивая подвальную темноту и поблескивая на стенах, покрытых зеленой слизью.

Конечно, слышать пение птиц отсюда, из подземелья, он не мог, но ему вполне хватало и пения Джорджа, который как раз домылся и возвращался из душа.

– Доброе утро, Сай! Видел в ванной крысу, но она так мило дремала, что мы не стали тревожить друг дружку.

– Или она уже сдохла от какой-нибудь заразной болячки, которая теперь поселилась заодно и в нашем водопроводе, – хмуро заметил Саймон. – И мы теперь неделями будем пить зачумленную воду.

– Что это еще за Угрюмый Ужас? То есть, я хотел сказать, Скорбный Сай, – возмутился Джордж. – Или ты думаешь, кому-то это по душе? А вот и нет! Никто не станет торчать тут ради Бякистого Буки. Никто не...

– Спасибо, Джордж. Общую мысль я уловил, – перебил его Саймон. – И решительно возражаю против Скорбного Сая. В данный момент я – исключительно Счастливый Сай. А ты, я гляжу, предвкушаешь великий день?

– Прими душ, Сай, – посоветовал Джордж. – Освежись перед началом великого дня. И, может, хоть чуть-чуть волосы уложишь, а? Поверь, от этого не умирают.

Саймон помотал головой.

– В ванной дохлая крыса, Джордж. Я туда не пойду.

– Она не дохлая, – возразил Лавлейс. – Она просто спит.

– Да-да, чума тоже начиналась с безрассудного оптимизма и безудержного веселья, – парировал Саймон. – Спроси средневековых крестьян. А нет, стоп! Их уже не спросишь.

– Думаешь, у них там было время веселиться? – скептически поинтересовался Джордж.

– Ну, наверняка до чумы им было куда веселее, чем после.

Саймон удовлетворенно вздохнул, чувствуя, что сама история на его стороне, и стянул с себя рубашку, в которой спал. На груди ее красовалась надпись «Давай побьем врага!» – а ниже, маленькими буквами: «Хитрыми аргументами».

И не смог удержаться от вскрика – Джордж вытянул его по спине мокрым полотенцем.

Саймон ухмыльнулся и полез в шкаф за формой. Все должно было начаться прямо после завтрака, так что можно было переодеться сразу. К тому же ему до сих пор было приятно надевать мужскую форму, а не девчоночью, как раньше.

На завтрак они с Джорджем явились в отличном настроении и полной гармонии с миром.

– А знаете, овсянка тут не так уж и плоха, – возя ложкой по

тарелке, заметил Саймон. Джордж с воодушевлением кивнул – рот его был набит едой.

Беатрис печально глянула на них – наверное, расстроилась, что вокруг нее одни дураки.

– Это не овсянка, – пояснила она. – Это яичница-болтунья.

– Нет, – выдохнул Джордж, все еще с набитым ртом. Голос его прозвучал душераздирающе уныло. – О нет.

Саймон выронил ложку и с ужасом уставился в глубину собственной тарелки.

– Если это яичница-болтунья... Я не спорю с тобой, Беатрис, я просто задаю резонный вопрос: если это яичница-болтунья, то почему она серая?

Девушка пожала плечами и вернулась к еде, тщательно следя, чтобы в ложку не попадали комки.

– Кто ее знает.

Саймону пришло в голову, что из этого обмена репликами могла бы получиться грустная песня. «Почему болтунья так сера? О том совсем не знаю я». Даже сейчас, когда группы уже не было, он иногда по привычке начинал обдумывать слова песен.

Впрочем, следует признать, что песня под названием «Почему болтунья так сера?» едва ли стала бы хитом даже среди самых горячих поклонников.

Подошедшая к Беатрис Жюли раздраженно хлопнула на стол свою тарелку.

– У них яичница всегда серая, – громко заявила она. – Не знаю, как они этого добиваются. Хотя, казалось бы, столько времени прошло! Уже пора бы научиться хоть иногда не портить еду. Но каждый день, и не по одному разу, уже больше года? Академию что, кто-то сглазил?

– А почему бы и нет? – серьезно отозвался Джордж. – Я иногда слышу зловещий скрежет, словно призраки трясут и грохочут цепями. Честно говоря, я даже *надеялся*, что Академию кто-то сглазил, потому что иначе виной всему – те, кто обитает в здешних трубах. – Его передернуло. – Гадость всякая.

Жюли села к ним за стол, и Джордж с Саймоном украдкой обменялись радостными взглядами. Они заметили, что Жюли все чаще выбирает в соседи их, а не Джона Картрайта. На настоящий момент счет был где-то шестьдесят процентов к сорока. Они выигрывали.

Жюли, которая хочет сидеть с ними, а не с Картрайтом, – добрый знак. Тем более добрый, если учесть, что ждало сегодня Джорджа.

Теперь, когда они перешли на второй курс Академии и, по словам Скарсбери, «больше никто не собирался подтирать им сопли и гладить по тупым головам», всем давали самостоятельные и более важные задания. На выполнение каждого назначался руководитель группы, который – в случае успеха – получал двойные очки. Жюли, Беатрис, Саймон и Джон уже успели побывать в этой роли и справились с ней на

ура: задания выполнены, демоны повержены, люди спасены, нежить, нарушившая Закон, наказана – сурово, но справедливо. Жаль, конечно, что миссия Джона не провалилась, а оказалась вполне успешной, отчего он несколько недель пыжился от гордости и хвастался направо и налево, – но тут уж ничего не поделаешь. «Просто мы все слишком хороши, – подумал Саймон, постучав по деревянному столу, чтобы не сглазить. – Чтобы мы да провалили задание? Это исключено».

– Нервишки шалят, командир? – поддела Жюли. Саймон поймал себя на мысли, что все-таки она иногда бывает ужасно вредной.

– Нет, – ответил Джордж, но под пристальным взглядом Жюли тут же сдался: – Может быть. Да. Правда, не все, а только некоторые. Но шалят очень хладнокровно, собранно и стойко.

– Смотри не надорвись, – заявила девушка. – Я хочу набрать сто очков из ста.

Повисла неловкая тишина. Чтобы подбодрить себя, Саймон разглядывал стол Джона. Жюли его бросила, и теперь Картрайту приходилось завтракать в полном одиночестве. Если, конечно, не считать Марисоль – девчонка решила подсесть к нему и немного помучить. Настоящий дьяволенок эта Марисоль. Прикольный и веселый дьяволенок.

Джон отчаянно жестикулировал, прося помощи, но Жюли сидела к нему спиной и ничего не видела.

– Я говорю это не для того, чтобы тебя напугать, Джордж, – продолжала она. – Считай это дополнительным бонусом. Нас ждет важное задание. Ты же знаешь, что фейри – худшие из всех обитателей Нижнего мира. Они то и дело пробираются в мир простецов и устраивают им так называемые розыгрыши, заставляя есть волшебные фрукты, – и это вовсе не пустяк и не шутка. Простецы, как тебе известно, после такого розыгрыша могут заболеть и даже умереть. А это уже убийство, причем такое, на котором мы фейри даже за руку не поймаем, потому что к тому времени, как простец умрет, эта нежить давным-давно уже далеко. Надеюсь, ты отдаешь себе отчет, насколько это серьезно?

– Конечно, – отозвался Джордж. – Я знаю, что убийство – это плохо, Жюли.

Девушка нахмурилась.

– Надеюсь, ты помнишь, что это из-за тебя мое задание чуть не провалилось.

– Я немного растерялся, когда пришлось иметь дело с тем вампирским детенышем, – признался Джордж.

– Вот именно что растерялся, – припечатала Жюли. – Больше это не должно повториться! Раз ты наш командир, то должен действовать по собственной инициативе, самостоятельно. Я не хочу сказать, что ты плохой боец, Джордж. Просто тебе нужно кое-чему научиться.

– Вряд ли кому-то из нас требуются вдохновляющие речи, – заметила Беатрис. – Это только страху нагоняет. А бед-

няга Джордж и так напуган, если учесть, что ему предстоит.

При первых словах Беатрис Лавлейс казался тронутым ее самоотверженной защитой, но под конец лицо его огорченно вытянулось.

— Просто я считаю, что в порядке исключения иногда следует повторно назначать командиром группы того, кто им уже был, — пробормотала Жюли, и всем стало понятно, откуда идет эта ее сегодняшняя враждебность. Она задумчиво воткнула вилку в серую яичницу. — Я была великолепным командиром.

Саймон приподнял бровь.

— Помнится мне, ты схватила хлыст и угрожала располосовать мне лицо, если я не сделаю то, что ты сказала.

Жюли ткнула в него ложкой.

— Вот именно. И ты сделал то, что я сказала. В этом суть лидерства. К тому же я так и не располосовала тебе лицо. Добрая, но настойчивая — вот такая я.

Предчувствуя, что Жюли собралась обсуждать свое превосходство долго и пространно, Саймон поднялся и пошел налить себе еще стакан сока.

— Как по-твоему, что это за сок? — спросила Катарина, подойдя к нему.

— Фруктовый, — ответил Саймон. — Фруктовый сок. Когда я спросил, мне ответили и именно так. И это, по-моему, довольно подозрительно.

— Фрукты я люблю, — заявила чародейка, но как-то не

очень уверенно. – Слышала, вас на сегодня отпустили с моего урока. Что на этот раз?

– Важная миссия: добиться того, чтобы феи перестали нарушать границы своего царства и заключать незаконные сделки, – отозвался он. – Джордж – командир.

– Джордж – командир? – переспросила Катарина. – Гм-м. Саймон возмутился:

– И чего сегодня все так накинудись на Джорджа? Что с ним не так? С ним все в порядке. К нему просто невозможно придраться. Джордж – безупречный шотландский ангел. Он всегда делится вкусняшками, которые ему посылает мама, да и посимпатичнее Джейса будет, кстати. Ну вот, я это сказал. И не собираюсь брать свои слова обратно.

– Вижу, ты в хорошем настроении, – заметила Катарина. – Что ж, это прекрасно. Вперед. Желаю отлично провести время. Позаботься о моем любимом студенте.

– Хорошо, – сказал Саймон. – Подождите, это вы о ком?

Катарина повела стаканом неопределенного сока куда-то в сторону.

– Свободен, светолуб.

Все остальные волновались в предвкушении очередной миссии. Саймон тоже ждал с нетерпением – в основном потому, что был уверен: роль командира пойдет Джорджу на пользу. Но у него была и более важная причина для беспокойства: после задания ему нужно было успеть кое-куда еще.

Дивный народ последний раз видели на торфяниках в графстве Девон. Саймон радовался, что туда откроют портал, хотя и не подавал виду: он надеялся, что ему хватит времени увидеть красные почтовые ящики и выпить пива в английском пабе.

Но на деле торфяное болото оказалось огромной пустошью: кочковатое поле, кое-где усеянное камнями, и невысокие холмы где-то на горизонте. Ни красных почтовых ящиков, ни пабов в поле зрения не наблюдалось. Зато тут же – стоило только нарисовать нужную руну – нашлись лошади, уже ожидавшие Сумеречных охотников.

Пустошь, лошади ... Саймон не понимал, зачем надо было открывать портал из Академии – здешняя обстановка ничем не отличалась от тамошней.

– Думаю, нам стоит разделиться.

Это были первые слова, которые Джордж произнес с тех пор, как они прошли через портал и двинулись в путь по болотам.

– Как... как в ужастике, что ли? – спросил Саймон.

Ответом ему стали раздраженно-непонимающие взгляды Жюли, Беатрис и Джона. Неуверенное выражение на личике Марисоль свидетельствовало, что она согласна с Саймоном, но девушка не сказала ни слова, а Саймон не хотел оказаться одним против всех – тем более что командиром был его друг. Если подумать, то, разделившись, они и вправду быстрее осмотрят торфяник. Может, это действительно отличная

идея. Еще больше болот! Почему бы и нет?

– Я с Джоном, – тут же вызвалась Марисоль. Глаза ее подозрительно вспыхнули. – Хочу продолжить разговор, который мы вели за завтраком. Мне нужно еще столько рассказать ему о видеоиграх!

– Не хочу больше ничего слышать о видеоиграх, Марисоль! – взвыл Джон. Весело было наблюдать за Сумеречным охотником, угодившим в кошмарный поток информации из мира простецов.

Девушка улыбнулась.

– Знаю.

Ей совсем недавно исполнилось пятнадцать. Саймон понятия не имел, как она просекла, что Джона можно с успехом терроризировать именно так – рассказывая ему о мире простецов во всех подробностях. Но он знал, что злость ее с каждым годом менялась и росла, и не мог не уважать Марисоль за это.

– Я поеду с Саем, – непринужденно заявил Джордж.

Саймон хмыкнул.

Ни он, ни Лавлейс пока что не стали Сумеречными охотниками, и хотя Катарина учила их видеть сквозь чары иллюзий, ни один простец... то есть недосумеречный охотник... не защищен от волшебства фейри так же надежно, как нефилимы. Но Саймон не хотел подвергать лидерство Джорджа сомнению или отказываться от такого напарника. Тем более Жюли в этом качестве пугала его ничуть не меньше – осо-

бенно в свете ее любви к хлыстам.

– Отлично, – без особого воодушевления отозвался он. – Может, нам стоит разделиться так, чтобы... чтобы оставаться в пределах слышимости друг друга?

– Хочешь разделиться, но остаться вместе? – переспросил Джон. – Ты что, не знаешь, что означают эти слова?

– А ты знаешь, что означают слова «World of Warcraft»? – тут же встряла Марисоль.

– Да, знаю, – ответил Картрайт. – И вполне достаточно, чтобы ничего больше не хотеть об этом знать.

Он тронул лошадь и поехал вперед по болоту. Марисоль последовала за ним. Саймон не сводил взгляда с затылка Джона и беспокоился, как бы Картрайт не уехал слишком далеко.

Пока что все было в порядке – не считая того, что им, видимо, все-таки придется разделиться.

Джордж обвел оставшихся членов команды пристальным взглядом и, кажется, пришел к какому-то решению.

– Останемся в пределах слышимости друг друга. Прочешем болота и посмотрим, не попадется ли нам кто-нибудь из Дивного народа – в тех местах, которые считаются у них потаенными. Вы со мной, ребята?

– Я с тобой до конца, если только это не продлится очень долго! Ты же знаешь, я сегодня должен успеть на свадьбу Хелен Блэкторн и Алины Пенхоллоу, – сказал Саймон.

– Ненавижу свадьбы, – сочувственно отозвался Джордж. –

Приходится натягивать на себя костюм и сидеть целую вечность среди тех, кто друг дружку тайком ненавидит, потому что все хотят поймать букет. Или чем там бросаются на свадьбах. А еще эти волынки. А впрочем, я ведь не знаю, как проходят свадьбы у Сумеречных охотников. Тоже с цветами? И с волынками?

– Давайте не будем говорить об этом! – попросила Беатрис. – А то у меня так и стоит перед глазами Джейс Эрондейл в смокинге. И выглядит он при этом как прекрасный шпион.

– Джеймс Бонд, – подхватил Джордж. – Нет. Джеймс Блонд? Но смокинги я все равно терпеть не могу. Мартышкин наряд какой-то, а не одежда. Но у тебя, кажется, другое мнение, Сай?

Саймон снял руку с поводьев и с гордостью ткнул в себя пальцем. Год назад, совершив нечто подобное, он бы уже свалился с лошади.

– Эта мартышка идет на свадьбу в качестве бойфренда Изабель Лайтвуд.

Едва произнеся эти слова, Саймон почувствовал, как его захлестывает волна счастья. Мир прекрасен! Разве может что-то пойти не так?

Он обернулся и оглядел команду. Все охотники – в зимней форме с длинными рукавами. В ледяном воздухе изо рта у каждого вырываются белые облачка пара. Темные фигуры с луками за плечами скачут верхом по болотам, чтобы защитить человечество. Рядом – трое его друзей, в отдалении –

Джон с Марисоль. Джордж так гордится, что ему поручили роль командира! Марисоль – насмешливый городской ребенок – восседает на лошади с необыкновенным изяществом. Даже Беатрис с Жюли и даже Джон сейчас казались Саймону немного другими, не такими, как обычно. Теперь, когда они все были уже на втором курсе, Скарсбери натаскал их, Катарина вбила в голову необходимые знания, и сама жизнь в Академии порядком их изменила. Теперь урожденные Сумеречные охотники едут на задание вместе с простецами, в одной команде, и еще неизвестно, кто лучше – элита или отстой.

Зеленые болота тянулись мимо, деревья в рощице по левую руку трепетали листвой, словно пританцовывая под легким ветерком. Солнце светило бледным и чистым светом, пригревая головы. Саймон с воодушевлением и гордостью поймал себя на мысли, что они выглядят как настоящие Сумеречные охотники.

Но в следующую секунду он заметил, что Беатрис с Жюли, словно сговорившись, пустили лошадей вскачь. Покосившись туда, где все еще можно было с горем пополам разглядеть Джона и Марисоль, а потом переведя взгляд на спины девушек, Саймон наконец не выдержал.

– Почему все так несутся? – спросил он у Джорджа. – Не собираюсь указывать тебе, мой храбрый командир, но, может, стоит приказать всем не отъезжать слишком далеко?

– Да ладно, дай им пару минут, – сказал Лавлейс. – Зна-

ешь, ты ей все-таки в какой-то степени нравишься.

– Что? – не понял Саймон.

– Вряд ли она собирается что-то с этим делать, – продолжал Джордж. – Никто из тех, кому ты нравишься, не собирается ничего с этим делать. Потому что мало найдется охотников лишиться головы, пусть даже эту честь им окажет сама Изабель Лайтвуд.

– Те, кому я нравлюсь? – переспросил Саймон. – Ты не ошибся, выбрав множественное число?

Лавлейс пожал плечами.

– Вероятно, в тебе есть что-то притягательное. Только не спрашивай меня почему. Я раньше думал, девушкам нравятся кубики на животе.

– Я мог бы обзавестись кубиками, – сказал Саймон. – Как-то смотрел в зеркало и, кажется, один кубик все-таки нашел. Тренировки явно идут мне на пользу.

Невозможно было и представить, чтобы Саймон сказал что-то подобное раньше – еще год назад он считал себя отвратительным. Но за это время он насмотрелся на демонов, в том числе с щупальцами на месте глаз, и теперь твердо знал, что такое по-настоящему отвратительное создание.

Но он и не Джейс, от которого девушкам сносит крышу так, что впору решить, будто они одержимы демонами. Нет, это совершеннейшая глупость – подумать, что из всех студентов Академии Беатрис мог бы понравиться именно *он*, Саймон Льюис.

Джордж закатил глаза. Он и в самом деле не понимал, как медленно тело меняется к лучшему. Где ему понять – он и родился-то наверняка сразу с кубиками. Кто-то рождается с кубиками, кто-то накачивает кубики по доброй воле, а кто-то, вроде Саймона, обзаводится кубиками исключительно из-под палки – потому что некоторым жестоким инструкторам нейдет к кому-нибудь помучить.

– О да, Сай, ты настоящий сердцеед.

– Да-да, ты еще мой бицепс пощупай, – хмыкнул Саймон. – Твердый, что твой камень! Не хочу хвастаться, Джордж, но все это – кости. Сплошные кости, понимаешь?

– Сай, мне это ни к чему, – отозвался Джордж. – Зачем мне щупать твой бицепс? Я и так верю в тебя: ведь мы же с тобой как братья. И я просто счастлив за тебя – опять же как брат. Я рад, что ты так популярен у девушек, хотя это и странно. Но, кроме шуток, приглядывай за Джоном: он наверняка подставит тебе подножку, и очень скоро. Просто понимаешь, на него-то твоя необъяснимая, хоть и несомненная привлекательность не действует. У него кубики чуть ли не до подбородка, и он думает, что благодаря этому может получить любую девушку в Академии.

Саймон молча поехал дальше, слегка оторопев от изумления.

До сих пор он считал, что симпатия Изабель – просто сногшибательная случайность, что-то вроде удара молнии (гордой и бесстрашной молнии, под которую ему просто по-

везло попасть!). Но сейчас, после слов Джорджа, Саймон задумался, не пора ли пересмотреть свои взгляды.

Из надежных источников он уже знал, что когда-то встречался с Майей, главой нью-йоркской стаи оборотней, – хотя не мог отделаться от ощущения, что и с ней он добросовестно и с треском испортил отношения. Ходили слухи о королеве вампиров, которая им интересовалась. Он даже припоминал, что в его жизни был короткий период, когда они, как это ни странно, встречались с Клэри. А вот теперь, возможно, он нравится Беатрис.

– Серьезно, Джордж, скажи честно, – не выдержал Саймон. – Я красивый?

Лавлейс разразился хохотом, отчего его лошадь испуганно попятилась.

И ту же секунду Жюли закричала, тыча пальцем куда-то вперед:

– Фейри!

Саймон поглядел, куда она указывала, и увидел в туманной дымке за деревьями неясную фигуру в бесформенном плаще с капюшоном и с корзинкой фруктов на сгибе локтя.

– За ним! – рявкнул Джордж, и его конь рванулся к странной фигуре. Саймон очертя голову кинулся за ним. Откуда-то издалека донесся голос Марисоль: «Ловушка!» – а сразу следом – вскрик боли.

Саймон в отчаянии глядел на деревья. У фейри есть подкрепление – это очевидно. Их всех предупреждали, что Див-

ный народ после заключения Холодного Мира стал осторожнее и злее. Нужно было слушать преподавателей лучше. И лучше все продумывать. Нужно было это предусмотреть.

Саймон, Джордж и Жюли с Беатрис неслись во весь опор, но пока что были слишком далеко от Марисоль. Девушка качалась в седле, по руке ее стекала кровь – эльфы ее достали.
– Марисоль! – вопил Джон Картрайт. – Марисоль, сюда!

Она направилась к нему. Джон встал на седло и перепрыгнул на спину ее коня. Почти одновременно он выхватил лук и принялся посылать стрелы одну за другой в сторону деревьев, балансируя на спине коня Марисоль и прикрывая девушку своим телом. Саймон знал, что ему самому такие трюки не под силу, пока он не прошел Восхождение.

Жюли с Беатрис развернули лошадей к деревьям, откуда, скрываясь в листве, стреляли фейри.

– Они вытащат Марисоль, – выдохнул Джордж. – Нам надо добраться до этого продавца фруктов, пока он не смылся.

– Нет, Джордж... – начал Саймон, но Лавлейс, не слушая его, направил коня к темной фигуре, уже исчезающей среди деревьев и в тумане болот.

Между стволом и изогнутой веткой дерева вспыхнул солнечный луч – прямой и острый, словно копье. Как будто преломившись в хрусталике глаза, луч внезапно изменился и стал широким и ровным, как лунная дорожка на море. Фигура в капюшоне ускользала, почти растворившись в сиянии, а лошадь Джорджа уже была в считанных дюймах от опасности.

Рука Лавлейса потянулась к плащу эльфа – похоже, Джордж не замечал, что творится вокруг.

– Нет, Джордж!!! – завопил Саймон. – Нам нельзя пересекать границу Волшебного царства!

Он попытался бросить коня наперерез Джорджу, но не тут-то было: перепуганный конь взбрыкнул и понес во весь опор, не разбирая дороги.

Сияющий белый свет затопил весь мир. Саймон вдруг вспомнил ощущения, с которыми когда-то едва не ушел в страну фейри. Вспомнил, как Джейс помог ему и как сильно сам он тогда негодовал, как думал: «Не надо меня никуда дальше тащить» – и как грудь его горела от обиды.

И вот он снова стремглав летел в царство фей под отчаянное ржание перепуганной лошади. Листья застили ему взгляд, ветки хлестали по лицу и рукам. Саймон поднял руку, чтобы защитить глаза, и в следующий миг понял, что падает. Он рухнул на голый камень, отбив все кости, и навстречу ему понеслась темнота. Как бы он сейчас обрадовался, если бы рядом, как в тот раз, оказался Джейс!

Саймон очнулся в Волшебной стране. Голова пульсировала от боли – примерно так же, как болит палец, если садануть по нему молотком. Оставалось только надеяться, что ему никто не заехал молотком по голове.

Он лежал в мягко покачивающейся кровати. Щеку что-то покалывало. Открыв глаза, Саймон понял, что это не кро-

вать, а куча веток и мха на какой-то подвесной площадке из тонких досок. Прямо перед глазами маячили две странные полосы темноты, мешавшие разглядеть то, что было за ними, вдалеке.

Страна фейри очень походила на болотистые равнины Девоншира – и в то же время разительно от них отличалась. Туманная дымка в отдалении слегка отливала фиолетовым – словно грозовые облака опустились совсем низко и цеплялись за землю; в глубине этих облаков угадывалось движение – непонятное, но не сулящее ничего хорошего. Листья на деревьях пожелтели и покраснели – точно как в мире простецов, – но сияли при этом ярко, как драгоценные камни. А когда ветер, пролетая, шевелил листву, Саймону явственно чудились слова, которыми обменивались между собой деревья. Вся природа здесь казалась волшебной, изменившейся до неузнаваемости.

Миг спустя Саймон осознал, что он – в клетке. В огромной деревянной клетке. Темные полосы, пересекающие поле зрения, – это ее прутья.

Больше всего его возмутило то, насколько ему это знакомо. Он вспомнил, что уже попадал в ловушки – практически точно так же. *И не раз.*

– Сумеречные охотники, вампиры, а теперь вот и фейри – всем не терпится засунуть меня в клетку, – вслух произнес Саймон. – Зачем я вообще так волновался об этих воспоминаниях? На что они мне сдались? Почему всегда я? Поче-

му именно я всегда оказываюсь единственным из всех болваном, сидящим в клетке?

Собственный голос эхом отозвался в голове. Боль усилилась.

– На этот раз тебя поймал я, – произнес кто-то.

Саймон быстро выпрямился и сел, хотя от этого движения голова его чуть не взорвалась, а Волшебная страна вокруг пьяно зашаталась. По другую сторону решетки он различил ту самую фигуру в капюшоне и бесформенном плаще, за которой Джордж так отчаянно гонялся на болотах. Саймон сглотнул. Лица под капюшоном было не видно.

Внезапно воздух скрутился в вихрь, по солнцу словно скользнула чья-то тень. Прямо с чистого синего неба над головой свалился еще один фейри – только опавшие листья хрустнули под его босыми ногами. Солнечный свет ослепительно сиял на его светлых волосах, а в руке блестел длинный нож.

Первый фейри сбросил капюшон и согнулся в почтительном поклоне. Теперь Саймон смог разглядеть большие уши, слегка подкрашенные фиолетовым, словно с каждой стороны лица у него росло по баклажану, и пряди длинных белых волос, завивавшихся над этими баклажанами, словно облако.

– Что случилось, Хефейд? И почему твои штучки мешают работать тем, кто лучше тебя? Лошадь из мира простецов выскочила на тропу Дикой Охоты, – заявил новоприбыв-

ший. – Надеюсь, что этот конь не имел большого эмоционального значения для хозяина, потому что теперь это эмоциональное значение едят собаки.

У Саймона сердце кровью облилось из-за бедной лошади – но уже в следующий миг он задумался, не скормят ли собакам и его самого.

– Искренне сожалею, что помешал Дикой Охоте, – сказал первый фейри, склоняя голову еще ниже.

– И правильно делаешь, – ответил фейри из Дикой Охоты. – Те, кто пересекает тропу Дикой Охоты, всегда сильно об этом жалеют.

– Это Сумеречный охотник, – с тревогой в голосе продолжал первый. – Или, по крайней мере, один из тех детишек, что надеются ими стать. Они устроили засаду там, в мире смертных, – поджидали меня. А этот гнался за мной до самой Волшебной страны, так что он – моя законная добыча. Я вовсе не хотел помешать мешать Дикой Охоте, я ни в чем не виноват!

Саймон понял, что это описание ситуации – не совсем точное и даже оскорбительное.

– Что, правда? Ну ладно, ладно, у меня сегодня хорошее настроение, – сказал фейри с Дикой Охоты. – Извинись как следует, возьми назад свои слова о добыче – и я, так и быть, не отнесу милорду Гвину твой язык. Ты же знаешь, я немного интересуюсь Сумеречными охотниками.

– Свет не видывал сделки честнее этой, – отозвался пер-

вый фейри, словно бы торопясь произнести эти слова, и, пугаясь в полах собственного плаща, бросился прочь, будто боялся, что Дикий Охотник может передумать.

Насколько Саймон понимал, ему эта перемена не сулила ничего хорошего: попал из фейского огня да в фейское поле.

Новоприбывший выглядел совсем мальчиком – на вид ему нельзя было дать больше шестнадцати. Чуть постарше Марисоль, но младше самого Саймона. Но Саймон знал, что внешний вид фейри не имеет никакого отношения к их настоящему возрасту. У этого фейри были разные глаза: один янтарный, как бусинки смолы в темной древесине, а другой – яркий сине-зеленый, как морская вода на отмелях, когда сквозь нее льется солнечный свет. Резкий контраст его глаз и обманчиво-золотого света Волшебной страны, сочившегося сквозь листву, придавал тонкому, измазанному грязью лицу фейри зловещее выражение.

Да и в целом он выглядел угрожающе. И приближался.

– Что хочет от меня фейри из Дикой Охоты? – хрипло выдавил Саймон.

– Я никакой не фейри, – ответил мальчик со страшными глазами, заостренными ушами и листьями, запутавшимися во взлохмаченных волосах. – Я Марк Блэкторн из лос-анжелесского Института. И неважно, что они мне говорят или что со мной делают. Я все еще помню, кто я такой. Я Марк Блэкторн.

Он смотрел на Саймона с выражением жуткого голода на узком лице. Его тонкие пальцы отчаянно сжимали прутья клетки.

– Ты здесь, чтобы спасти меня? – спросил он. – Сумеречные охотники наконец-то пришли за мной?

О нет! Это брат Хелен Блэкторн, полукровка, наполовину фейри, наполовину человек, как и она сама. Тот, кто поверил, что его родные мертвы. Тот, кого забрала к себе Дикая Охота и уже никогда не вернет. Какая насмешка судьбы!

Нет, хуже. Это просто ужасно.

– Нет, – ответил Саймон. Ответил честно, потому что ложная надежда была бы самым жестоким ударом, который он мог нанести Марку Блэкторну. – Все было так, как он и сказал. Я оказался здесь случайно и попал в плен. Я – Саймон Льюис. И я... я знаю, кто ты такой и что с тобой случилось. Прости.

– А ты знаешь, когда Сумеречные охотники придут за мной? – с горячностью, от которой рвалось сердце, спросил Марк. – Я... я отправил им весточку еще во время войны. Я понимаю, что из-за Холодного Мира заключать сделки с фейри стало трудно, но они должны знать, что я верен Сумеречным охотникам и был бы для них полезен. Они должны были прийти за мной, но... но проходит неделя за неделей, а их все нет. Скажи мне, когда?

Саймон не сводил глаз с Марка; во рту у него пересохло.

Не могло же пройти всего лишь несколько недель с тех пор, как Сумеречные охотники бросили его здесь! Прошел уже год с лишним.

– Они не придут, – прошептал он. – Я не был на том собрании, но мои друзья были. Они рассказали все. Конклав проголосовал. Сумеречные охотники не хотят, чтобы ты вернулся.

– Ох, – выдохнул Марк. Один-единственный еле слышимый звук, но он хорошо был знаком Саймону. С таким стоном умирают живые существа.

Мальчик отвернулся, его спина выгнулась, как от удара. Саймон разглядел на его обнаженных худых руках шрамы – старые следы кнута. Сейчас Саймон не мог видеть его лица, но мальчик все равно на мгновение закрыл его ладонями, словно не мог выносить вида Волшебной страны.

Потом он обернулся и выпалил:

– А что дети?

– Какие дети? – недоуменно переспросил Саймон.

– Хелен, Джулиан, Ливия, Тиберий, Друзилла, Октавиан. И Эмма, – перечислил Марк. – Вот видишь, я не забыл! Каждую ночь, что бы ни случилось за день, как бы я ни был измучен или изранен, даже если я устал настолько, что кажется, будто сейчас умру, я все равно смотрю на звезды и даю каждой имя брата или лица сестры. И не усну, пока не вспомню всех. Скорее звезды взорвутся и сгорят, чем я забуду их имена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.